

журнал
ТОЛКИНОВСКОГО
общества
санкт петербурга

ПАЛАНТИР

апрель 2005

:i ṙṭṣṙṇ :

№ 46

:i ṙṇṇ ṙṭṣṙṇ ḡṙṭṣṙṇ ḡṙṭṣṙṇ :

Саймон Толкин. Мой дедушка (перевод Д.Виноходова). 3

Материалы Четвертого Толкиновского Семинара

Т. Рязанцева. "Происхождение Руси" О. Прицака как источник толкиноведческих исследований 6
 Т.Л.Фиглин. Американский взгляд на русского Толкина 11
 Е.О. Канчура. Особенности отображения влияния «Властелина Колец» Дж. Толкина на мировоззрение. На примере творчества Терри Пратчетта. 14

Виноходов Д. О. Гоблины. Орки. Статьи для энциклопедии "Арды-на-Куличках" (авторская редакция) *окончание. Начало в №44* 20
 Том Шиппи.Толкин и Исландия: Филология зависти. Перевод Ю. Канчукова. . . . 32

На последней странице - работа Моргул "Бар -эн-Данвэд"

ПАЛАНТИР

N 46 апрель 2005

журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

Palantir®

Этот номер для вас делали: Дмитрий Виноходов, Золтан Бардинг, Мазлор Д.
 Лас, Моргул
 Наш адрес: 197110 СПб, Б.Зеленина 15-33
 E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru eondil@mail.ru
 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Зеркала сайта: tolkien.by.ru esgaroth.narod.ru

Copyright (c) 1997-2005, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Саймон Толкин²

(перевод – Д. Виноходов)

Вот мое первое воспоминание о дедушке: мне четыре или пять лет, я очень испуган. Передо мной настоящий великан, с громоподобным голосом – он пришел за мной. Я уже вот-вот расплачусь, как вдруг замечаю веселый огонек в его глазах и понимаю, что это всего лишь шутка. Долгими летними вечерами, когда я все еще был очень мал, мы, бывало, забавлялись игрой «Бабушка идёт»³ в саду их дома в северной части Оксфорда. Он снимал пиджак, оставаясь в вельветовом жилете, и курил, пока я подкрадывался к нему среди теней на газоне.

Он был неразлучен со своей трубкой и постоянно разжигал ее спичками Swan Vesta⁴. Позже он рассказал мне, что никогда не затягивается, лишь иногда случайно, когда едет на велосипеде в Оксфорд, и ветер дует ему навстречу.

В семье Толкинов больше не было внуков одного со мной возраста, и потому дедушка с бабушкой в последнее десятилетие их жизни относились ко мне по-особому. Для меня это значило очень много, так как детство мое было одиноким. Мои родители расстались, когда мне было пять лет. Спустя три года отец женился во второй раз, у него родились дети, а мама все время работала – она была учительницей.

Дедушка умел так разговаривать с ребенком, что его голос не казался исходящим свыше. Он проводил со мною много времени, и его любовь и доброта очень помогали мне в трудные времена. К тому моменту, когда мне исполнилось девять лет, дедушка с бабушкой переехали в Борнмут. Мама, бывало, сажала меня на поезд в Оксфорде, и я как-то добирался до нужной станции, где меня встречали и отводили в отель Мирамар. Дедушка с бабушкой, которым было тогда уже за семьдесят, регулярно гостили там, хотя жили совсем недалеко от города. Дедушка понимал, каким замечательным приключением были для меня эти поездки. Перед одной из них в январе 1969 года он рассказал мне в письме о своем путешествии из Бирмингема в Торки, которое он самостоятельно совершил в десятилетнем возрасте, и о том, каким «крутым» оно его сделало.

Для девятилетнего мальчика Мирамар был удивительным местом. Он выходил на море, в нем были бесконечно длинные коридоры, несметное число неисследованных комнат и огромная

тележка со сладостями. Перед отелем была зеленая лужайка, на которой мы с дедушкой провели много послеобеденных часов, играя в гольф, и возможно, мое серьезное увлечение этой игрой возникло именно тогда.

За газоном начиналось море. Дедушка был потрясающим специалистом по “блинчикам”. Пущенный им камешек подскакивал девять-десять раз. Вероятно, он просто умел выбирать плоскую гальку. Летом море было теплым и манящим, но зимой гости обычно не выходили из отеля. У меня сохранилось дедушкино письмо, в котором он описывает, как однажды “*пасмурным днем большие неторопливые волны безмолвно выплывали из тумана и плескались подобно жирным морским животным*”.

Конечно, Борнмут не был тем местом, где дедушка хотел бы непременно поселиться – я уверен, что он скучал по Оксфорду. Но бабушке нравилось в Мирамаре, и дедушка хотел доставить ей радость в последние годы их жизни.

Я не помню, чтобы дедушка писал, когда я приходил к нему в гости. Он без конца играл со мной в словесные игры и разгадывал кроссворды в газете «Телеграф». Размышляя над очередной загадкой, он разрисовывал газету причудливыми узорами. Писать он умел чрезвычайно тонко и однажды подарил мне фартинг, на котором округлым почерком вывел полный текст «Отче наш».

Хотя в шестидесятых *Властелин колец* уже был широко известен, я не припомню, чтобы у меня когда-либо возникало ощущение, что дедушка был знаменитой личностью. За исключением лишь одного случая – однажды в ночь Гая Фокса⁵ он посетил подготовительную школу «Дракон» в Оксфорде, где я учился, и был немедленно окружен толпой мальчишек. После этого я несколько дней купался в лучах его славы.

Как единственный ребенок, я часто бывал предоставлен сам себе и потому проводил за книгами много времени, читая все, что только мог раздобыть. *Властелина колец* я впервые прочел в девять лет, и он до сих пор является моей любимой книгой.

Критерием хорошей книги для меня всегда являлась ее способность увлечь читателя телом и душой из окружающей реальности в новый волшебный мир, и *Властелин колец*, безусловно, был именно таким произведением. Однажды прочтя, я перечитывал его вновь и вновь и постоянно надоедал дедушке бесконечными невразумительными вопросами о Средиземье. Что происходило в землях к востоку от Мордора? Кто были четверо других волшебников, о которых упоминал дедушка? Где они были и что делали? Меня интересовало все, и я никак не мог насытиться. Бедный дедушка! Он сделал все, что от него зависело. Несмотря на пожилой возраст, он был бесконечно терпелив к моим вопросам.

Очень ярко помню наш с ним поход в церковь в Борнмуте. Он был набожным католиком, а было это вскоре после того как Мессу стали совершать не на латыни, а на английском языке⁶. Дедушка явно не был согласен с этим нововведением и во время Мессы громко отвечал на латыни, в то время как остальные прихожане – по-английски. Я испытывал мучительную неловкость, но дедушка не обращал на это внимания. Он просто должен был поступать так, как считал правильным. Он унаследовал свою религию от матери – она была отвергнута своей семьей после того, как перешла в католичество, и умерла в бедности, когда моему дедушке было всего двенадцать. Я знаю, что именно благодаря ему меня отдали в Даунсайд, римско-католическую школу в Сомерсете.

Бабушка умерла на два года раньше дедушки, и он вернулся в Оксфорд. Мертон-Колледж предоставил ему квартиру совсем рядом с Хай-Стрит. Я часто ходил к нему, и он, бывало, брал меня на ланч в отель Истгейт. Для

двенадцатилетнего мальчика, который проводит время со своим дедушкой, эти ланчи были просто восхитительны, но порой он выглядел печальным. В одну из таких встреч он поведал мне, как ему не хватает бабушки. Для него было очень непривычно находиться в одиночестве после того, как они прожили вместе более пятидесяти лет.

Над каминной полкой в гостиной его квартиры в Оксфорде висел портрет его деда. Когда мой дедушка умер, меня спросили, что бы я хотел взять на память о нем, и я выбрал этот портрет. Когда я смотрю на него, то мысленно переносусь туда, в комнату моего дедушки: множество книг и ворох бумаг; сизый табачный дым; диван, расположенный точно напротив письменного стола. Сейчас эти предметы кажутся мне куда более живыми, чем когда дедушка сам находился среди них. Может быть, я уже чувствовал тогда, что ему не долго осталось жить, хотя мое последнее воспоминание о дедушке относится к одному из летних дней, когда он еще был полон сил. Днем мы играли в крокет, практически уверен, что он и тогда выиграл.

Когда он умер, мне было четырнадцать лет. Я был тогда с отцом во Франции и помню, в каком был отчаянии. Я испытываю его и теперь – мне по-прежнему хочется, чтобы дедушка пожил хоть немного дольше. После его смерти жизнь стала казаться мне уже не такой прекрасной. Отец со своей второй семьей переехал на юг Франции, и я с ненавистью воспринимал необходимость даже ненадолго покинуть школу. Мне очень не хватало дедушки.

Старшим в вопросах о литературном наследии дедушки всегда был отец, около четырех лет назад он начал подумывать о том, кто станет его преемником в совете компании Tolkien Estate. Он назначил новых директоров, но меня среди них не было.

Жизнь под сенью *Властелина колец* оказалась серьезным испытанием и я всегда старался удержаться и не писать беллетристику. Тем не менее, 1 января 2000 года я все же начал писать свой первый роман. Первая попытка оказалась неудачной, но я решил продолжать, и результатом стала публикация романа *Мачеха* (*The Stepmother*). Думаю, что дедушка был бы рад и гордился бы тем, что я все же стал писателем. В основе моей книги лежит судебная драма, она никоим образом не связана с его миром эльфов и dwarфов, но сам процесс работы над ней вновь приблизил меня к дедушке. Будто я обрел свое истинное наследство.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Tolkien S. *My Grandfather*.// The Mail on Sunday, Febr. 23, 2003. (<http://www.simontolkien.com/jrtolkien.html>). Переводчик выражает искреннюю и глубокую благодарность Алле Хананашвили, Марии Артамоновой, Игорю Хазанову и Павлу Парфентьеву за помощь в работе.
2. Саймон Толкин, внук Дж. Р. Р. Толкина, сын Кристофера Толкина, адвокат, автор детективных романов *Мачеха* (*The Stepmother*) и *Последнее доказательство* (*Final Witness*). Публично одобрил съемки фильма Питера Джексона по *Властелину колец*, из-за чего, по сообщению некоторых газет, рассорился с отцом.
3. *Бабушка плёт* (*Grandmother's Footsteps*) – детская игра, в которой водящий стоит спиной к остальным игрокам, а те стараются незаметно подобраться и прикоснуться к нему. Водящий может быстро и без предупреждения поворачиваться, и тот из игроков, чье движение он заметит, вновь отправляется на линию старта. В России имеется аналогичная игра «Тише едешь – дальше будешь».
4. *Спички Swan Vesta* – предназначенные специально для разжигания трубок спички, выпускаемые фирмой Bryant & May с 1884 года. В 1950 году этикетка на спичечных коробках была изменена: лебедя стали рисовать, плывущим вправо.
5. *Ночь Гая Фокса* (*Guy Fawkes*) – годовщина раскрытия Порохового заговора. Пятого ноября 1605 года английские иезуиты, возмущенные отказом Якова I отменить репрессивные законы против католиков, планировали взорвать здание Вестминстера в тот момент, когда король будет открывать сессию парламента. Для этого в подвал было заложено 36 бочек пороха, поджечь их должен был молодой католик Фокс. Заговор был сорван, его участники казнены, а права католиков еще более ограничены. Эта дата была объявлена парламентом днем вознесения благодарственной молитвы и отмечается до сих пор. В ночь праздника британцы устраивают фейерверки и сжигают чучело Фокса.
6. Литургическая реформа согласно решению II Ватиканского Собора (1962-1965) была проведена в 1969 году, с тех пор Мессу в католических церквях стали совершать на «народных» языках. Подробнее об этом см. в книге: *Парфентьев П. Это благой вест: Христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина.* – М.: ТТТ; ТО СПб, 2004. – 322 с. на сс. 52-56.

Санкт-Петербург, 29-30 января 2005 года

Т. Рязанцева (Киев)

Украинская версия «Происхождения Руси» — фундаментального исследования известного историка, гарвардского профессора О. Прицака — является частью издательского проекта «Киевская библиотека древней украинской литературы», начатого под его руководством десять лет назад. Публикация «Происхождения Руси» в рамках специальной суб-серии «Студии» осуществляется Институтом Востоковедения им. А. Крымского НАН Украины в сотрудничестве с киевским издательством «Обереги». Немалый вклад в реализацию проекта внес также Институт литературы им. Т. Шевченко в лице чл.-кор. НАН Украины А. В. Мишанича (1933—2004) — заместителя главы редакционной коллегии и воистину *ответственного редактора*.

Том I «Происхождения Руси» в украинском переводе (1997) получил широкий отклик в научных кругах. Издание второго затянулось почти на семь лет, но результат, пожалуй, превзошел ожидания. По данным всеукраинского рейтинга «Книга года-2004» т. II «Происхождения Руси» прочно удерживал первенство в номинации «Прошедшее: древняя история (до конца XVII ст.)» и даже был выдвинут на Гран-при.

Следует отметить, что украинский перевод труда О. Прицака удостоился высокой оценки самого автора. В предисловии к киевскому изданию своей работы он подчеркнул, что эта версия «полностью передает английский оригинал, за исключением указателя, представленного здесь в несколько сокращенной форме» [1 — Т. I, 27]¹. Кроме того, сюда вошли некоторые исследования О. Прицака, ранее публиковавшиеся отдельно, а также, по данным

ученого, удалось исправить кое-какие неточности и ошибки оригинала.

Итак, чем же данный труд может быть интересен серьезным исследователям и энтузиастам творчества Дж. Р. Р. Толкина?

Прежде всего, при внимательном чтении «Происхождения Руси» создается впечатление определенного сходства методов Дж. Р. Р. Толкина и О. Прицака, несмотря на различие сфер их применения. Очевидно, первым элементом в этом ряду следует назвать системность и целостность подхода к решению творческих задач, сформулированную О. Прицаком так: «задание историка — познать систему и отыскать общий знаменатель для всех собранных фактов» [1 — Т. I, 72—74]. Второй элемент — убежденность О. Прицака в необходимости всестороннего филологического анализа исторических источников и доверие к результатам такого анализа (Т. А. Шиппи характеризует понимание Толкином филологии как некоей силы, способной «воскрешать из мертвых давно не существующие общества») [7, 37]. В предисловии к «Происхождению Руси» историк, кроме того, призывает учитывать происхождение, особенности семантики и «дух времени» исторических источников.

Это, безусловно, подчеркивает идентичность исходного материала (хотя бы отдельной его части: мифология и эпика народов Скандинавии) — самого заметного на первый взгляд «общего знаменателя» столь несходных авторов. Прицак, как и Толкин, принимает «нематериальные» свидетельства всерьез. В первом томе исследования особое внимание уделено методологическим проблемам использования поэзии и мифа в качестве источников исторической информации [1 — Т. I, 167—346]; второй том открывается анализом эволюции исландских саг в непосредственной связи с событиями исландской истории.

Определенную методологическую близость можно, по-моему, усмотреть и в желании О. Прицака сосредоточиться на установлении и систематизации исторических фактов с помощью неких «аналитических экспериментов», а также строить гипотезы, исходя из результатов исследования специфических проблем.

Наконец, несмотря на принципиальное различие конечных целей — создание целостной истории вымышленного мира, художественного произведения (Толкин) и создание очередной версии подлинной истории, научного труда (Прицак) — общим для обоих авторов, как ни парадоксально, оказывается *внутренний стимул. Речь идет о стремлении восполнить существенный, по мнению ученых, пробел в культурах своих народов*. Англичанин Толкин, как известно, мечтал создать мифологию «для Англии»; реконструировать, по выражению Е. Тихомировой, «диалог англосаксонской и кельтской эпических традиций, который мог бы произойти, не будь Норманнского завоевания 1066 года» [6, 18]. Украинец Прицак стремился написать всеохватывающую и в то же время максимально объективную историю происхождения Руси «в контексте и перспективе всемирной истории» [1 — Т. I, 30].

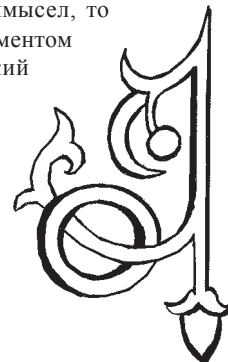
Еще одна отличительная особенность, присущая обоим авторам. По известным мне устным свидетельствам коллег, научная скрупулезность О. Прицака вряд ли уступает знаменитому перфекционизму Дж. Р. Р. Толкина. Прослеживается и определенное сходство стилей: труды О. Прицака написаны доступно, с долей юмора и местами более напоминают историческую эссеистику, нежели солидный трактат. Экскурсы и приложения второго тома «Происхождения Руси» и вовсе заставляют вспомнить серию приложений к «Властелину Колец» и комментарии к эссе «О Волшебных историях».

Кстати, сопоставление вспомогательных материалов обнаруживает также зеркальное сходство в стремлении обоих авторов к созданию эффекта достоверности. И Толкин, и Прицак снабжают свои книги максимальным количеством дополнительных сведений (хронологии, генеалогические таблицы, карты, экскурсы, сведения о языках и т. п.). Но если у английского

автора средства из арсенала науки призваны «материализовать» вымысел, то дополнительные экскурсы украинского историка, написанные с элементом детектива, и поэтические описания, вкрапленные в географический материал, заставляют читателя ощутить тот самый «дух времени», о котором говорилось выше. Интересно, что при этом Прицак, так же как и Толкин, прекрасно понимает экспериментальный характер, условность воссоздаваемой им реальности, полностью отрицая возможность объективного «повторения опыта» или «оживления былого» [1 — Т. I, 72—73]. В известном смысле, к масштабному историческому полотну О. Прицака, как и к комплексу произведений Дж. Р. Р. Толкина, можно применить удачно введенный Т. А. Шиппи термин “asterisk-reality” [7, 19].

Итак, произведения Дж. Р. Р. Толкина и О. Прицака обнаруживают определенное сходство на уровне внутренних стимулов, методов и стилистики при кардинальном различии целей.

Что же изучение исторических фактов, включенных в «аналитический эксперимент» О. Прицака может дать исследователю «альтернативной мифологии» британского автора? Вообще говоря, труд украинско-американского историка, исповедующего, по выражению А. В. Мишанича, «культ первоисточников» [5, 406], можно рассматривать как некую хрестоматию полезных сведений, в основном текстологических «подсказок», с помощью которых можно сориентироваться в источниках вдохновения британского писателя, уяснить особенности его творческих приемов, а иногда и подметить скрытый смысл отдельных элементов.

Вот несколько примеров исключительной последовательности Дж. Р. Р. Толкина в применении древнескандинавских элементов для построения “asterisk-reality”. Даже подробность, которую, казалось бы, можно отнести на счет игры творческого воображения, в его произведениях имеет реальное филологическое и историческое обоснование. Так, в «Книге Утраченных Сказаний I» (The Book of the Lost Tales I), гл. 2—3, в описании жилищ Валар встречается слово “Vê”: “There in a sable hall sat Vefántur and he called that hall with his own name Vê” [3, 76]. В приложении “Имена в Утраченных Сказаниях, часть 1” это слово фигурирует как «имя Фантура в «Квения Лексикон» (корень «VENE») без толкования или дериватов» [3, 273].

Неожиданный ключ к первичному значению имени предлагает второй том «Происхождения Руси». В ч. 3 «Основные структуры древнескандинавских обществ», глава 4, раздел I, пункт Б-1 “Места культов” читаем: “Культовые места в Скандинавии имели три названия: *vé*, *horgr* и *hof*. Самым распространенным из этих трех терминов был, кажется, «*vé*», который означал «святилище», место, считавшееся священным» [1 — Т. II, 682—683].

Таким образом, имя данного персонажа является элементом исторической реальности, своеобразно интерпретированным в контексте авторской мифологии. Оно подпадает под определение «исторического каламбура», введенное К. Толкином для аналогичных случаев в работах отца [3, 248]. Здесь можно проследить также деконструкцию метафоры, лежащей в основе понятия «святилище», с последующим воссозданием ее в новом качестве. В “asterisk-reality” «Книги Утраченных Сказаний I» понятие «святилища» как «обиталища божества» утрачивает свою фигуральность и переосмысливается буквально.

При создании своих произведений Толкин пользовался не только отдельными фактами, но и практиками, распространенными в древнескандинавских обществах. Как сказано выше, имя Вала является и названием его жилища, т. е. в определенном смысле — географическим названием (вернее, миротворяющим понятием, т. к. жилище Вэфантура — своеобразный эквивалент чистилища).

В той же главе «Книги Утраченных Сказаний I» отмечено, что Вэфантур Мандос и его супруга не могли вынести света Валинора, а потому решили жить вдаль от него. В первом томе «Происхождения Руси» (ч. 3 «Рунические надписи», гл. 14) сообщается, что использование географических названий как имен собственных было типичным явлением в древней Скандинавии. Такие имена получали дети, рожденные на чужбине, затем так стали звать *отбывающих на чужбину*, а вскоре и просто чужеземцев. У Толкина же видим инверсию традиции: Вала-отшельник нарекает свой чертог собственным именем.

Интересный обертон возникает и в этимологии имени одного из магов (Истари), Радагаста Бурого — второстепенного персонажа «Хоббита» и «Властелина Колец». В разделе о волшебниках из «Неоконченных сказаний» упоминается его цвет (“earthen brown”), увлечения (дружба с птицами и животными, поглотившая все его внимание) и дается толкование имени (“tender of beasts”), восходящего, по утверждению автора, к “древнеуменорскому наречию” [2, 388—402].

Филолог Толкин вряд ли не знал, что «Радагаст» было именем божества в языке ретариев, одного из древних народов балтийского ареала. Во втором томе «Происхождения Руси» О. Прицак анализирует информацию средневековых хронистов о верованиях ретариев. Историк обращает внимание на разночтения имени (Редигаст / Ридегост), замечая при этом, что, по сведениям Титмара Мерзебургского (1013—1014), «Радагаст» было названием места поклонения, а в самом божестве угадывается «хорошо известный славянский бог солнца Сварожич» [1 — Т. II, 633]. Другие источники, между тем, ставят знак равенства между Радагастом и Сварогом, считая их именами одного огненного божества.

Известно, что Толкин не интересовался (во всяком случае, предметно) славянской мифологией. Однако, если допустить, что он все же знал, кому из древнеславянских божеств соответствует «демон Радагаст» средневековой немецкой хроники, применение этого имени в контексте “asterisk-reality” наводит на мысль об очередном «историческом каламбуре». Если это и вправду так, перед нами — пример инверсии: имя божества огня (*губителя* всего живого) волею автора становится именем духа-*хранителя* птиц и животных. Впрочем, в данном случае говорить можно лишь о гипотезе, а не об установленном факте.

Пожалуй, самым замечательным, хоть и наименее заметным примером «исторического каламбура», построенного на инверсии можно считать «варягов» (Variags) — обитателей «*юго-восточной*» (курсив мой — Т. Р.) части Кханда», мельком упомянутых во «Властелине Колец» [4, 828—829].

В т. I «Происхождении Руси» [1 — Т. I, 89], содержится интереснейшее замечание, позволяющее понять, почему эти приспешники Темного Властелина стали у Толкина именно «варягами», а не «викингами» (что было бы вполне логично при простой инверсии по географическому принципу, превращающей «северо-запад» в «юго-восток»). О. Прицак отмечает

синонимичность понятий «варяги» и «викинги», указывая на различие их происхождения (персидское / германское) и особенности ареала распространения (восточнее / западнее р. Эльба соответственно). Слово «варяги», во-первых, менее известно рядовому англоязычному читателю, а во-вторых, оно было употребительно именно на Востоке, чем, вероятно, и определило выбор автора, исключительно внимательного к деталям.

Заявляя о своём намерении «отринуть специальную научную литературу с её устаревшими спорами» [1 — Т. I, 29] О. Прицак, тем не менее, счёл нужным снабдить «Происхождение Руси» впечатляющей библиографией, которая может оказаться весьма полезной в толкиноведческих исследованиях. В частности, первый том, кроме рассмотрения особенностей поэзии и мифа как исторических источников, предлагает обстоятельный анализ рунических надписей различного характера с обширным списком литературы по данному вопросу.

Особенный интерес, на мой взгляд, представляет библиография к третьей части второго тома труда О. Прицака, откуда можно почерпнуть дополнительную информацию (вопросы материальной культуры, общественных отношений, истории идей), полезную для углубленного изучения произведений Дж. Р. Р. Толкина и фэнтези в целом. Такие знания могли бы значительно расширить поле зрения литературоведов, работающих в данной области, а также существенно повысить качество оригинальных произведений фэнтези, которые часто грешат обилием историко-культурных ляпсусов и анахронизмов. Знакомство с книгами из библиографии О. Прицака придало бы, например, новую глубину отдельным аспектам диссертации Е. Тихомировой «Мифический квест в литературном наследии Дж. Р. Р. Толкина», на защите которой (2003 г., КНЛУ) я имела честь оппонировать.

Кроме, вероятно, известных заинтересованному читателю трудов П. Фута и Д. Вильсона «The Viking Achievement: The Society and Culture of Early Medieval Scandinavia» (London, 1970) и П. Сойера «The Age of the Vikings» (London, 1971), можно выборочно указать ещё несколько примеров. Это работы Э. В. Строма «The King and his Connection with Sacrifice in Old Norse Religion» (Leiden, 1959), С. Пекарчика «O sakralnym charakterze władzy krylewskiej w Skandynawii» (Warszawa, 1961), А. Брюн Хоффмейер о мечах викингов и многие другие.

В заключение, хотелось бы высказать надежду, что все приведенные в моем докладе примеры и выводы свидетельствуют в пользу признания «Происхождения Руси» О. Прицака источником толкиноведческих исследований. Несмотря на то, что имена самого Дж. Р. Р. Толкина и его сына Кристофера упомянуты там только в связи с «Беовульфом» и «Сагой о Хейдреке», внимательное чтение исторической эпопеи украинского ученого помогает уточнить некоторые характерные особенности творческого метода британского автора, и способствует расширению горизонтов изучения его литературного наследия.

Т.Л.Фиглин

Книга Марка Хукера «Толкин русскими глазами» замечательна прежде всего тем, что филологическое исследование о русском языке и русском менталитете выполнил иностранец, за что ему честь и хвала. В своей работе он часто апеллирует к читателю, выросшему в сталинские времена и почти всю жизнь прожившему при тоталитарном режиме. Поскольку я тот самый читатель, то сочла себя вправе поделиться впечатлениями. Надеюсь, мои замечания окажутся полезны тем, кто захочет продолжить работу в этом направлении.

В книге отражены основные аспекты процесса перевода:

1. Чтение и понимание текста.
2. Собственно перевод, т.е. создание русского текста – тут же и стиль, и решения по точности перевода, его полноте и пр.
3. Саморедактирование – под этим мы вместе с Хукером будем понимать сознательное изменение акцентов, связанное с политической жизнью страны. Два варианта: либо стремление «пройти цензуру», т. е. пропустить, сгладить, изменить все, что цензура может воспринять как вредоносный намек, либо наоборот, вставить в текст эти самые вредоносные намеки там, где у автора их и не было.

Все, что связано с чтением, очень интересно. Хукер учит читать. Он почти не останавливается на грубых ошибках переводчиков, его не интересует явная отсебятина. Он пытается раскрыть тайну: как посредством выбора слов, интонации создается особая атмосфера «Властелина колец». Как Толкин этого добивается? И в какой степени переводчики сумели эту атмосферу почувствовать и воплотить по-русски?

Жаль, что автор знать не хочет о великолепной, уникальной традиции русского художественного перевода (её становлению, как ни странно, немало способствовал тоталитаризм). У нас сменили друг друга три разных подхода к переводу. И все три мы находим в русских переводах Толкина. Лет сто-двести назад переводчик стремился сделать книгу как можно ближе и понятнее читателю, часто перекраивая иностранные имена, речь, быт и нравы на русский лад. Как реакция на такую вольность в начале 30-х гг. принялись переводить с буквалистской точностью. Переводы той поры читать трудно. И уже с конца 30-х лучшие переводчики стали добиваться не дословной точности, а верности подлиннику. По Цицерону: слова надо не подсчитывать, а взвешивать. Ведь очень редко слово удастся точно перевести одним-единственным словом. Объем и оттенки значений слов в русском и английском языках не совпадают. Я уж не говорю о длине слов. У каждого языка свои законы. То, что по-английски звучит легко и естественно, по-русски может оказаться тяжело и мертво. Вот мнение одного из лучших наших переводчиков Норы Галь: для того, чтобы читатель воспринимал перевод так, как на родине автора воспринимают подлинник, необходимо что-то перестроить, а что-то

изменить или отбросить. К переводу такого уровня привык наш избалованный читатель.

Хукера же неудержимо тянет назад, к буквализму, почти к подстрочнику. Попытки отойти от текста, хотя бы изменить порядок фраз, ввести яркие, образные русские слова и обороты вызывают у него прямо-таки подозрение. Часто он пытается найти тому политические причины там, где нет ничего кроме лингвистики.

Вот Гэндальф убеждает Билбо не отступать от своего намерения оставить Кольцо Фродо и покинуть Шир. Хукер прямо-таки обижен, что переводчики избегают слова *план* (в подлиннике оно повторяется трижды). Он прав, переводчики это слово не любят, но полагаю, не из-за пятилетних и прочих навязших в зубах планов, а потому, что это типичная калька. Оно заимствованное, оно некрасиво, а главное – неточно передает смысл.

Пример несколько иного рода. В русском языке для придания речи эмоциональной окраски издавна широко используются выражения, содержащие имя Бога (а то и черта). Власть с ними не боролась, никакой религиозной нагрузки они не несут. В английском же языке аналогичные выражения имеют явный привкус богохульства, потому возникло множество их «заменителей» – эвфемизмов, которых в русском нет (не нужны). Потому-то эмоциональные восклицания типа *Dear me!* Рахманова перевела оборотами *Боже милосердный!* *Бог мой!* и т.п.. И получилось это у нее настолько естественно, настолько по-русски – одно удовольствие читать. Хукер же увидел здесь стремление неведомо зачем протащить в перевод запретное имя Божие.

Вообще замечания по употреблению переводчиками слов и фраз – самая спорная часть книги. Не буду перегружать сообщение примерами – их трудно воспринимать на слух.

А в результате, сравнивая переводы «Хоббита», автор констатирует, что тем из них, которые точны, недостает литературности и наоборот. Но ведь при его критериях только так и могло получиться. Подстрочник и литературный стиль – две вещи несовместные.

Посвященные саморедактированию страницы перенасыщены сведениями из советской истории. Часть их, на мой взгляд, не имеет ни к Толкину, ни к переводам никакого отношения. Видно, соблазн поделиться знаниями непреодолим – ему даже Набоков в свое время поддался. Однако у меня ощущение, что наш автор, изучив факты, все же нечетко представляет себе атмосферу того времени и иногда допускает большие натяжки.

Характерно размышление о слове *всезнайка*: мысль, что «читателю, выросшему в атмосфере деспотизма» оно может напомнить о Сталине», меня просто озадачила. К Сталину относились по-разному, но уверяю вас: эдакое вот снисходительное похлопывание Иосифа Виссарионовича по плечу было абсолютно немыслимо. Даже грустно стало: вот, оказывается, как быстро уходит ощущение эпохи, не столь уж и отдаленной, даже свидетели еще живы.

В проявлениях Зла во «Властелине колец» у нас принято видеть аналогии с Советским Союзом. Хукер этого не оспаривает и отслеживает, как переводчики старались кто притушить, а кто максимально это усилить (да еще и от себя добавить). Мое же мнение: эти аналогии большей частью созданы «русскими глазами». Желание руссифицировать и осовременить текст – архаичный подход к переводу. Но ведь сталинские зверства – далеко не единственное, чем вошли в историю Европы 30-е и 40-е годы. Рискну утверждать, что многие «антисоветские» аллюзии в основном обязаны своим происхождением не СССР, а Третьему Рейху.

Злополучный *Красный флаг* с черной змеей на нем Хукер связывает с лейбористами, но приводит и филиппику Перумова о г-не Толкине, сидящем в благополучной, тихой Англии (это во время войны-то) и почему-то люто ненавидящем наше Знамя Победы. А ведь красный флаг с черной свастикой – это официальный флаг Третьего Рейха. Так что во Второй мировой войне Зло, действительно, шло в бой под красным флагом. Полтора года Англия отчаянно сражалась с ним в одиночку.

Как и флаг, противопоставление *Запад-Восток* могли встретить в штыки не только цензура, но и читатели. Надо думать, еще и поэтому переводчики часто старались его приглушить. Кстати, теперь к этим обиженным читателям присоединились и кинозрители. Свежайшая цитата из Интернета (автор М.Поликарпов): «Книга (речь идет о ВК- Т.Ф.) сильно идеологизирована – там все очень прозрачно, люди (в союзе с гномами и эльфами) воюют с орками. В последних

следует видеть коммунистов, которые, по мнению писателя, и несут угрозу цивилизованному миру». Вот что русские-то глаза углядели.

Название главы «Один день Фродо Дроговича» само за себя говорит. Хукер полагает, что аналогия между режимом Шарки в Шире и сталинским террором стала уже общим местом. Да, у нас такой подход культивируется. Но мне, например, в свое время на ум пришел не большевистский террор а фашистский. Фашистская оккупация: два официально неравноправных народа, «полицай» из местных, фашистская риторика: «навести порядок», вождь – безымянной «Шеф». Кстати, в конце 40-х гг. большинство европейцев хорошо знало об ужасах нацизма, а вот об истинном положении в СССР – очень немногие. Конечно, сталинский и гитлеровский режимы имели очень много общего, но тут уж Толкин не виноват. Он любых социалистов не любил – и большевиков, и нацистов, и даже бледно-розовых лейбористов. Думаю, все они оставили свой след в Шире осени 1419г.

В той же главе слова *Люди шефа* Муравьев перевел как *охранцы*. По мнению Хукера, у меня в этом месте должны возникнуть ассоциации с царской охранкой, а от нее – прямой переход к НКВД. Царская охранка, на мой взгляд, тут ни при чем – и в СССР охраны всякого рода хватало. Странно, однако, что это слово не привлекло внимание лингвиста по другим причинам. Во-первых, перевод неточен: *люди Шефа* - это не мелюзга какая-нибудь, это элита карательных войск, я бы сказала, тамошние эсесовцы. Главное же – это слово из уголовного жаргона. Хукер отмечает, что переводчик в этом месте ввел в речь персонажей казарменный слэнг. Но этим дело не ограничилось.

У нас притупилось ощущение стиля – эдакий дальтони́зм у «русских глаз» появился. Язык Толкина всегда литературный, достаточно традиционный и очень британский. Рассказчик - взрослый, культурный человек. И остается таким даже когда посмеивается над своими героями. Иногда в речи персонажей допускается просторечие (это тоже в традициях английской литературы), но ни жаргона, ни слэнга нет, будь то хоть речь тролля. А у нас раскованный уличный слэнг проник даже в авторскую речь. В подлиннике Пиппин *пропел во весь голос*, в переводе *во всю глотку*. В результате вместо английского профессора Толкина перед читателем предстает то ли американец Роджера Желязны, то ли вовсе космополит Макс Фрай с их студенческой манерой изъясняться. Я ничего против них не имею, но читатель-то думает, что читает Толкина!

Наивно было бы думать, что 70 лет нашей истории оставили свой след только в языке. Интересно бы подробнее проследить, как в переводах, да и во всей русской толкиниане отразились особенности менталитета *Homo sovieticus et postsovieticus*:

- психология осажденной крепости, которая выражается в крайней ксенфобии: всё, что за забором (будь оно прекрасно-распрекрасно), враждебно – дело доходит, как мы видим, до мании преследования (все только о нас и говорят, пальцем на нас показывают, ненавидят и стараются погубить);
- недостаточное и необъективное знание истории– так нас учили и, к сожалению, продолжают учить;
- равнодушное отношение ко лжи: «жить не по лжи» было практически невозможно - а в результате мы даже не подозреваем, что врать стыдно;
- отрыв от всяких корней и традиций (семейных, бытовых, языковых, религиозных), это очень заметно, ибо полная противоположность Толкину.

Конечно, этот невеселый перечень можно продолжить. Надеюсь, удастся составить и другой перечень, менее мрачный.

Вернемся к книге. Конечно, некоторые погрешности не умаляют ее ценности - «первый блин» всё-таки. Хукер не только помогает глубже понять Толкина (я уж не говорю – оценить переводы), но и заставляет нас всмотреться в зеркало и глубже понять себя. Я попыталась сегодня показать, что тема только-только начата, и надеюсь, что это направление даст еще немало интересного.

Е.О. Канчура

Оценивая значение книг Джона Рональда Руэла Толкина для историко-литературного процесса нашего времени целесообразно рассматривать не только становление и развитие жанра фэнтези в его современном понимании, но и влияние идей и особенностей поэтики писателя на мировоззрение. Влияние это находит свое отображение в творчестве людей, прочитавших «Властелина Колец» и навсегда полюбивших эту книгу и мир, созданный писателем. Тех, для кого эта книга и этот мир стали частью жизни.

Ярким примером человека, прочитавшего Толкина на всю жизнь, является наш современник Терри Пратчетт. Творчество Терри Пратчетта занимает особое место в литературе фэнтези. Его книги принято рассматривать как ироническую фантастику, пародию на фэнтези в первую очередь. В то же время исследователи отмечают серьезную идейную основу, скрывающуюся за комической маской.¹

Терри Пратчетт прочитал «Властелина Колец» в тринадцатилетнем возрасте.² Книга поразила его настолько, что стала реальным толчком к его дальнейшему образованию. Он стал искать книги, близкие по сюжету, и – главное – по духу. Возник интерес к истории и мифологии. Одним из главных впечатлений от книги было для мальчика ощущение пребывания внутри истории.

На мой взгляд, влияние Толкина на творчество Терри Пратчетта следует рассматривать в трех направлениях:

- выбор жанра и особенностей приемов поэтики;
- прямые аллюзии и пародийные элементы;
- развитие и трансформация основных идей Толкина.

Особенности формы:

Сам выбор жанра, основанного на фантазии, продиктован для обоих писателей стремлением «вымыть наши окна»³. Толкин в эссе о волшебных сказках говорил об одной из важнейших функций фантазии, как о способе «освежения» взгляда на мир. «Восстановление, (которое включает в себя возвращение и обновление жизненных сил) – это вновь-обретение: обретение ясности взгляда». «Мы должны встретить кентавра и дракона, а потом ... увидеть

овец, собак и лошадей. И волков. Сказки помогают нам в этом»⁴.

Принцип, на котором строится фантазийное повествование, идентичен у обоих писателей. То, что Толкин в “monsters and critics” называет «котлом историй» (“Cauldron of Story”), у Терри Пратчетта носит своё название «белое знание» (white knowledge) (белый, как цвет, возникающий при слиянии всех цветов спектра, когда каждый из них присутствует, но при этом, не различим)⁵. «Когда я использую в книге ассоциацию, я стараюсь взять такую, которая может быть легко схвачена обычным хорошо начитанным (насмотренным, наслушанным) человеком; Я называю это «белым знанием», это то, что наполняет ваш мозг, а вы даже и не знаете точно, откуда оно пришло».

Для Терри Пратчетта составляющими белого знания становятся элементы культуры западного общества. Сюда попадает всё – от волшебных сказок и пьес Шекспира до кино и рок музыки. Это, вместе взятое, создает мир, в котором возможно всё. Равноправно живут и сосуществуют модели мироздания древних философов, противоречащие друг другу идеи и теории. Это мир, где теория становится фактом бытия. Это мир, сошедший со страниц всех прочитанных современниками книг. Пратчетт называет его “L-space”, Библиотекопространство. Не зря одним из самых уважаемых его героев является Библиотекарь, хранитель знания, способный проходить из мира в мир по своим книжным полкам – во имя спасения горящих книг или в поисках нужного гримуара.

Строительным материалом вторичного мира выступают не только ассоциации, опирающиеся на белое знание читателя, но и слово, как таковое. Слово, как «лучшее средство воплощения фантазии»⁶. У Пратчетта слову придается значение, свойственное мышлению постмодернизма. Слово во многом всесильно. «Слова, подчас, обладают куда большей властью, чем магия...»⁷. Слова творят действительность, они – сама действительность, и это известно обитателям мира Пратчетта. В романе о почте, например, непрочитанные письма деформируют действительность – слова, которые созданы для того, чтоб их прочли, и которые страдают от недостижимости своей цели.

Таким образом, как и Толкин, Пратчетт создает вторичную действительность, основываясь на принципах «внутренней связанности реальности», используя при этом ассоциации читателя и игру со словами. Что касается формальной стороны достоверности вторичного мира, то у Пратчетта, как и в большинстве романов фэнтези, детально прорабатываются карты, языки народов Диска (которые, во многом отражают их образ жизни и мышления)⁸, их обычаи, характерные черты внешности. Написана «энциклопедическая» книга «Наука Плоского мира», поваренная книга Нянюшки Ягг (упомянутая, к тому же, как элемент сюжета в «Маскараде»). В мире Пратчетта существует магия, которая является одной из движущих сил Плоского Мира (подобно нашей гравитации или магнитному полю). Ее присутствие обоснованно внутренней связанностью реальности, в многочисленных сносках описано, почему магия образовалась на Диске, в чем она конденсируется, каковы ее свойства.

прямые аллюзии и пародийные элементы

1. Мирообразующие элементы:

- Архетипичным прообразом большинства произведений фэнтези выступает Артуровский цикл.⁹ Эта же сюжетная линия стала одним из элементов романов о Плоском Море. Мотив короля, ожидаемого спасителя, возвращающегося в свой город из изгнания, виртуозно обыгран в цикле о ночной страже, в своеобразном пародийно - ироническом ключе. Наследник древнего королевского рода воспитан в далеких горах. У него есть меч, найденный вместе с ним. Меч, правда, оказывается совершенно не волшебным (зато очень острым и качественным). Король – изгнанник возвращается в город предков Анк-Морпорк и ... отказывается от королевской власти. Констебль Моркоу искренне считает, что «нельзя раздавать

троны направо и налево только потому, что у кого-то есть старый меч или еще что вроде этого». ¹⁰ Занимать трон отцов, насквозь проеденный жуками-древоточцами и для прочности оббитый золотой фольгой, который оберегал всё это время патриций (почти наместник), он не собирается – просто не считает нужным. Аналогичный пример отказа от престола выведен в «Вещих сестрах». Герой отказывается от королевской власти, предуготованной ему судьбой и логикой сюжета, во имя того занятия, которое ближе ему по духу, как человеку, как свободной личности. Так Моркоу выбирает службу порядку и закону в ночной страже Анк-Морпорка, а Том Джон – стезю актера. Пратчетт тем самым полемизирует и с апологетами массовой фэнтези, и с толкиновским преломлением артурианских легенд. В судьбе его героев главную роль играет свобода выбора и соответствие их характеров тому или иному занятию, а не рок или предназначение.

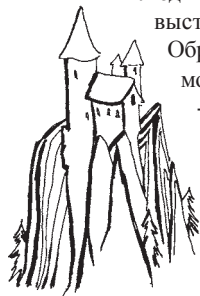
- Населяют Плоский Мир, в числе других народов, гномы и тролли. Если тролли сильно отличаются от Толкиновских, то гномы пришли со страниц «Хоббита» и «Властелина Колец». Пратчетт воспроизводит отдельные фразы на языке гномов, который созвучен языку, разработанному Толкином; детально описывает их внешность – в лучших Толкиновских традициях, гиперболизирует упоминание о редкости женщин у гномьего народа. ¹¹ Гномы Пратчетта, так же как и гномы Толкина, на все готовы ради золота, у них даже песни состоят из одного только этого слова. Воинственный характер гномов Толкина нашел свое отображение и в гномах Плоского Мира.

В то же время Терри Пратчетт, играя с Толкиновским образом, детализирует его и логически обосновывает те или иные черты характера. Кроме того, ирония Пратчетта «ломает стереотипы», связанные с нашими представлениями о гномах. Так, воинственный дух гномы проявляют только напоказ, когда выбираются в город, в негномью среду, любят на самом деле не золото, а железо; и хотя традиционно враждуют с троллями, могут с ними искренне подружиться.

- Неотъемлемым элементом Средиземья и Плоского Мира является образ дерева и леса, как особой совокупности деревьев, имеющей свой собственный характер. Леса Толкина и Пратчетта – живой организм. В «Вещих Сестрах» об этом размышляет Матушка Ветровоск. «Лес обладал сознанием, слепленным из бесчисленных осколков разумов, принадлежащих растениям, птицам, медведям и даже неповоротливым деревьям». «Будучи совокупностью разнородного, лес обладает внутренним единством, он – вещь в себе, наделенная жизнью». Мотив, который по свидетельству Толкина послужил толчком к созданию образов энтов, мотив леса, выступившего на борьбу с узурпатором в «Макбете», ¹² обыгран в «Вещих сестрах» в двух сюжетных линиях. С одной стороны, сам узурпатор постоянно боится деревьев, леса, он ощущает их осуждающее молчание, пытается с ними бороться, отдает приказ о вырубке. С другой стороны, именно лес – совокупность всех его обитателей – вызывает к матушке Ветровоск с просьбой о вмешательстве в дела неправого властителя. Лес, выступая глашатаем самой земли королевства, обращается к тому человеку, кто его в состоянии понять, кто может передать его волю другим людям. Так в трилогии Толкина посредниками между лесом и миром людей выступают эльфы, научившие говорить энтов и понимающие язык деревьев.

Образ деревьев, как живых существ, постоянен для романов Пратчетта, примеров можно привести много.

- В традиции Толкина разрабатывает Пратчетт и способ изображения волшебных артефактов. Нет волшебного предмета, носитель которого (неважно, законный или случайный) не оказывался бы в зависимости от него. Одной из основных сюжетных линий многих романов становится путь освобождения от власти того или иного неживого предмета. Пратчетт наделяет силой влияния не только и не столько волшебные

предметы, сколько обычные вещи, показывая тем самым зависимость человека от предметов им же созданных. Один из самых ярких эпизодов - примерка короны матушкой Ветровоск. Корона не является волшебным предметом. Однако память ее наполняет героиню своей силой. Матушка преодолевает искушение, но впечатление от кратковременного ношения короны остается с ней надолго.¹³ Я бы назвала эти примеры производными от образа Кольца Власти. Именно мысль о том, что, приобретая определенную силу, позволяющую возвыситься над людьми, человек тем самым подчиняется этой силе и действует уже не самостоятельно, а по ее повелению и по ее законам, является связующей нитью в традиции изображения волшебных артефактов Толкина и Прагчетта.

2. Аллюзии и ассоциации.

Наряду с основными принципами миротворчества, навеянными «Властелином Колец», Прагчетт пользуется образами, которые вызывают у читателя прямые ассоциации с книгами Толкина.

- Например, описание драконов. Драконы двух миров отличны, палитра обоих писателей богата и разнообразна. Общим же оказывается именно авторская симпатия к этим фантастическим существам. Причем, если Толкин мечтал о существовании мира, где живут драконы,¹⁴ то драконы Прагчетта живут за счет мечты и воображения.¹⁵ Хотя обыватели боятся их, автор, да и многие герои ими восхищаются. В то же время, на Плоском Море существуют маленькие, но вполне огнедышащие болотные дракончики, которых держат как домашних любимцев. Прямой аллюзией на образ Толкиновских драконов становится дискуссия о том, где на чешуе дракона слабое место, и как в него можно попасть стрелой. («Стража, стража!»)

- Точно так же обыгрывается обязательный для героев Толкина дорожный хлеб. Ассоциация находит свое выражение в таком чуде кулинарного искусства как гномий пирог. Это – идеальный провиант для любого странствующего. Всякий, у кого в котомке есть гномий хлеб (Как вариант – пирог), не может считать себя по-настоящему голодным. Кроме того, хлеб можно использовать для самозащиты – как метательное оружие. Все детали, связанные с гномьим хлебом, методично разрабатываются. Известен его рецепт, В Анк-Морпорке находится музей гномьих пирогов.

- Ассоциацию с «Сильмариллионом» вызывает идея музыки, как одного из вариантов первотолчка. Эта теория подробно рассматривается в романе «Роковая музыка».

3. Скрытые цитаты и пародии.

Самый известный пример - появление Горлума в подгорной реке («Ведьмы за границей»). Замечательна вставка об имени героини «Добрых предзнаменований», которая живет в нашем мире, и испытала на себе влияние трилогии Профессора.¹⁶

Таким образом, Терри Прагчетт не только декларирует, что Толкин занимает прочное место и в мировоззрении людей второй половины XX ст., и в историко-литературном процессе нашего времени, но и совокупностью своих творческих приемов доказывает это. Роман Толкина стал для европейского читателя составляющей «белого знания».

развитие и трансформация основных идей Толкина

В типологии образов Терри Прагчетта одно из самых значительных мест занимает тот, кого наше литературоведение традиционно называет «маленьким человеком». Это и первый из героев писателя – волшебник Ринсивинд, и Мор, ученик Смерти, и послушник Брута («Мелкие боги»). Галерею можно продолжать – образ достаточно богатый и писатель ему, несомненно, симпатизирует.

Главные герои производят впечатление самое не-героическое. Они некрасивы, обладают слабым здоровьем, смешными особенностями внешности, довольно бестолковы и неуклюжи – на первый взгляд постороннего. Над ними смеются окружающие, их не уважают, используют на

самых неприятных и однообразных работах.

На первый план выступает самая характерная черта «маленького человека»: элементарность существования. Маленьких людей заботит прежде всего выживание (для Ринсвинда выживание превращается в главную черту – его доминирующая модель поведения «Бежааатть!» постоянно спасает ему жизнь, то есть главной целью его приключений становится именно само сохранение жизни). Выживание в физическом смысле – пропитание и одежда, работа, как источник пропитания.

В то же время, именно повседневная рутина становится для героев Пратчетта источником творчества и самореализации. Они любят, то, что делают. И эта любовь предаёт высокому значимости самому повседневному занятию. Брута, отправляясь с высоким посольством, страдает, оставляя без присмотра свои грядки, Уолтер Плюм («Маскарад») служит Опере во всём, от ежедневной уборки до создания музыки и поддержки молодых талантов, Мор пытается усовершенствовать работу самого Смерти (которая для его хозяина – повседневная рутина). Если нет ничего более высокого, чем подметание ступенек, маленький человек отдаст всю свою душу этому занятию.

В глубине души маленького человека, спрятанная далеко от насмешек окружающих, живет цель, мечта, порой далекая от «реальной жизни», но наполняющая ее смыслом и выстой. Для Бруты это – Вера, именно так, с заглавной буквы – вера в великого бога Ома. Того самого, в которого никто, фактически не верит, но его культ используется для обогащения и власти над людьми. Но маленький человек не добивается своей цели, он не борется за нее, он покорно и смиренно тянет свою лямку, принимая ее во всем, любя ее. Покорность и смирение превращаются в подвиг, деяние. Именно с этой точки зрения говорила о героях Толкина Наталья Леонидовна Трауберг.¹⁷ Пользуясь слабостью, как оружием, Брута диктует свои условия богу Ому. Именно слабостью он предотвращает войну и убийство. Непротивление становится активной позицией. Активной позицией становится упрямое следование правилам «не так, как велят боги, а как надо». Так Брута не бросает в пустыне на верную смерть Ворбиса, погубившего тысячи жизней и саму веру в Ома. Не потому, что так велит книга или бог, а потому что он, Брута, не бросает умирающего человека – кем бы этот человек ни был. Так Ринсинд, которого шляпа аркканцлера заставляет уничтожить кудесника, который и в самом деле, необычайно опасен для всего Плоского мира, останавливается и резко меняет свою линию поведения, когда обнаруживает, что его противник – десятилетний мальчишка. И, именно, жалость спасает и Ринсвинда, и кудесника, и Плоский Мир.

В Плоском Мире нет персонификации Добра и Зла, герои борются не со злыми силами, а с обстоятельствами. Зло возникает как конфликт интересов. Но выживание героев и сохранение себя в ситуации выбора между добром и злом превращается в подвиг, деяние, восстанавливающее равновесие мира. Слабость становится оружием, свобода выбора обретает моральную ценность.

Терри Праггетт, силой своего слова, уводит нас в Плоский Мир, который так похож на мир круглый. Мы возвращаемся оттуда с новым, свежим взглядом на запылённые привычкой предметы, явления и теории. Мы возвращаемся в наш мир обновленными. Обновляется вера в человека, вера в себя. «Это – утешение волшебной сказки, утешение счастливого конца», как писал Джон Рональд Руэл Толкин.

примечания

¹ Михаил Назаренко «Цвет Волшебства» - рецензия <http://geocities.com/petrogulak/>,

Елена Тихомирова «Постмодерністське переосмислення міфотворчості толкіновського зразка у творчості Террі Праггетта»

² “The Tolkien Effect” by Terry Pratchett, to be published in *Meditations on Middle-earth*, edited by Karen Haber (St. Martin’s Press, November 2001).

³ Дж. Р. Р. Толкиен «О волшебных сказках» (в сб. «Утопия и утопическое мышление» М.1991, с.286)

⁴ там же.

⁵ "If I put a reference in a book I try to pick one that a generally well-read (well-viewed, well-listened) person has a sporting chance of picking up; I call this 'white knowledge', the sort of stuff that fills up your brain without you really knowing where it came from. ("Words from the Master" <http://www.co.uk.lspace.org/books/apf/index.html>)

Подробный анализ построения истории по принципу white knowledge в раборе: White Knowledge and the Cauldron of Story: The Use of Allusion in Terry Pratchett's Discworld by Bill Abbott (East Tennessee State University).

⁶ Дж. Р. Р. Толкиен «О волшебных сказках» (с. 279)

⁷ Терри Пратчетт "Вещие Сестрички". Ср. там же : «Ведьмы и волшебники полагали, что слова всего лишь инструменты для достижения заданной цели, тогда как сам Шут считал, что слова – это уже сами по себе вещи.» «Итак, ты уверяешь нас, что действительность – это всего-навсего жалкие слова. Значит, слова – это действительность. Но как слова могут стать историей?»

⁸ 'T'dr'duzkb'hazgt'!

'Oh, no!' moaned Carrot. 'Not *that* one!' 'What did she yell?' Angua said, as she pulled Carrot out of the way.

'It's the most menacing dwarf battle cry there is! Once it's been shouted *someone* has to be killed!'

'What's it mean?'

'Today Is A Good Day For Someone Else To Die!' (Ноги из глины)

Trollish is basically body language and, well, they like to shout. (В доспехах и с оружием)

⁹ Анджей Сапковский. «Пирог или Нет золота в серых горах» (Nowa Fantastyka, 5/93)

¹⁰ "I'm just saying you can't go round giving people thrones just because of stuff like that," said Carrot. (Стража, стража!)

¹¹ На этом даже строится одна из сюжетных линий романа «Ноги из глины».

¹² "Their pan in the story is due, I think, to my bitter disappointment and disgust from schooldays with the shabby use made in Shakespeare of the coming of 'Great Birnam wood to high Dunsinane hill': I longed to devise a setting in which the trees might really march to war" (Tolkien, letters)

¹³ Такой же силой обладают и ружье («В доспехах и с оружием»), и гитара («Роковая музыка»), и посохи волшебников («Творцы заклинаний», «Посох и шляпа»), шляпа арканцлера Незримого Университета («Посох и шляпа»).

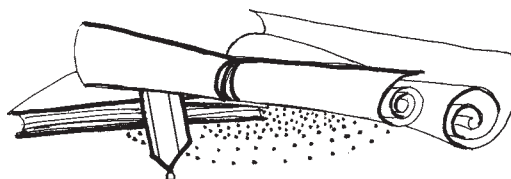
¹⁴ Humphrey Carpenter. "Tolkien. A biography." New York.

¹⁵ «Цвет волшебства», «Стража! Стража!».

¹⁶ «Pepper's given first names were Pippin Galadriel Moonchild. She had been given them in a naming ceremony in a muddy valley field that contained three sick sheep and a number of leaky polythene teepees. Her mother had chosen the Welsh valley of Pant-y-Gyrdl as the ideal site to Return to Nature. (Six months later, sick of the rain, the mosquitoes, the men, the tent-trampling sheep who ate first the whole commune's marijuana crop and then its antique minibus, and by now beginning to glimpse why almost the entire drive of human history has been an attempt to get as far away from Nature as possible, Pepper's mother returned to Pepper's surprised grandparents in Tadfield, bought a bra, and enrolled in a sociology course with a deep sigh of relief.)»

¹⁷ Наталья Леонидовна Трауберг. Толкин и непротивление... <http://www.tolkien.spb.ru/>

Продолжение публикации материалов Сетинара - в следующих номерах журнала.

(авторская редакция)
окончание. Начало в №44

[Язык орков] С другой стороны, песни орков Хитаэглир, исполняемые экспромтом, о которых нам известно из *Хоббита*, достаточно образны и обнаруживают элементы юмора, пусть и несколько мрачного (*Hobbit*, 6). Вероятно, стихосложение и пение песен было свойственно оркам издавна, поскольку еще в Первую эпоху Финрод, встретив поющих у костра людей, сперва принял их за орков (*Silmarillion*, *Quenta Silmarillion*, 17), а Бэлэг, отправившись выручать Турина из плена, слышит песню орков на марше (*HoME-03*, I).

Умение считать также было присуще оркам, высказывание Бэорна говорит об этом совершенно однозначно: *“никогда не поверю, что гоблины не умеют считать! Еще как умеют!”* (*Hobbit*, 7). Более того, счет использовался орками повседневно, во всяком случае в Мордоре в Третью эпоху каждый орк-солдат помимо имени имел свой личный номер (*LotR*, *Book Six*, 2).

Письменность. Письменность орки стали использовать не позднее Второй эпохи. В качестве алфавита ими был выбрана древняя, упрощенная разновидность кирта, но, как и прочие народы, орки *“видоизменили руны кирта, приспособив их к своим нуждам согласно собственному умению – или, наоборот, неумению”* (*LotR*, *Appendix E*, II). По-видимому, орки могли использовать несколько разновидностей этого алфавита, во всяком случае, надпись «Азог» на клейме, поставленном орками Мории на лбу Трора, была выполнена рунами dwarфов (*LotR*, *Appendix A*, III). Тэнгвар же, по всей видимости, орки не использовали, поскольку о надписи на Кольце, сделанной Сауроном на тэнгвар, Гандалф говорит: *“нет в Мордоре букв, которыегодились бы для такой тонкой работы”* (*LotR*, *Book Two*, 2).

Примеры повседневного использования орками письменности многочисленны. Так, орки Мордора, осквернив статую короля в Итилиэне, исписали ее подножие *“грязными каракулями”* (*LotR*, *Book Four*, 7; *Book Five*, 10), на коре поваленных деревьев вырезали *“злые руны”* (*LotR*, *Book Four*, 4). Шаграт в разговоре с Горбагом говорит, что имеет указание составлять подробные описи всего имущества пленников и отправлять эти документы в Барад-Дур (*LotR*, *Book Four*, 10). Урук-хай из Айзенгарда помещали на шлемы руну «S» (*LotR*, *Book Three*, 1).

Ремесленничество. Техническое развитие орков было направлено, в основном, в практическую область: *“красивых предметов они не делают, но изготавливают много хитрых*

вещей” (Hobbit, 4). Впрочем, свое оружие орки все же украшали, вырезая на рукоятках изображения, например, “отвратительной головы с косящими глазами и глумливо оскаленным ртом” (LotR, Book Three, 5). И по качеству это оружие было достойным: “молоты, топоры, мечи, кинжалы, пики, щипцы, а также орудия пыток, они изготавливают очень хорошо, или заставляют пленников и рабов делать эти предметы по своим проектам” (Hobbit, 4). Будучи искусными ремесленниками, орки любили технические новшества, “возможно, именно они изобрели некоторые машины, которые с тех пор тревожат мир, особенно хитроумные приспособления для убийства большого количества людей сразу, ибо механизмы, машины и взрывы всегда восхищали их” (там же).

Социальное устройство. Вращенные Мэлькором, орки относительно недолго находились под его владычеством. После его окончательного поражения рабы оказались предоставлены сами себе и, хотя переход к самостоятельному существованию оказался болезненным, они быстро адаптировались, “преодолели свою беспомощность, основали собственные мелкие государства и привыкли к независимости” (HoME-10, Part Five, X). Саурон пытался объединить их, но преуспел в этом лишь отчасти, различные племена орков обладали относительной самостоятельностью и, если и подчинялись Саурону, то лишь уступая силе. Например, гоблины Хитаэглир имели собственных правителей, таких как Голфимбул – король горы Грэм (Hobbit, 1), Азог и его сын Болг Северный, самостоятельно собирались на советы, где обсуждали вопросы войны и мира, имели собственную столицу – Гундабад (Hobbit, 14), но были вынуждены платить Саурону дань. Так, после захвата Мории они отдали ему в качестве дани весь найденный ими митриль (LotR, Book Two, 4). Некоторые малорослые племена, жившие в Мордоре, тоже повиновались Саурону из-под палки и шли на войну лишь по принуждению (LotR, Book Six, 2).

О принадлежности орков к тому или иному воинству свидетельствовали геральдические эмблемы. Так, “*герб орков, что служат крепости Барад-Дур, – Красный Глаз*”, урук-хай Айзенгарда в качестве герба носили на щитах изображение “*маленькой белой руки на черном поле*” и руну «S» на шлемах (LotR, Book Three, 1), орки крепости Кириг-Унгол имели эмблему в виде оскалившейся луны (LotR, Book Six, 1), а гоблины Хитаэглир шли в бой под черно-красными знаменами (Hobbit, 17).

Рис. 1. Изображение Красного Глаза
являлось гербом орков Барад-Дура
(рисунок Дж. Р. Р. Толкина (J. R. R. Tolkien: artist & illustrator)).

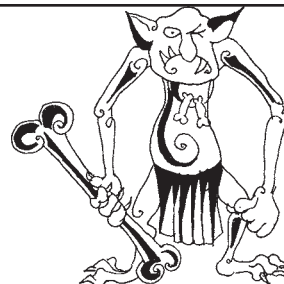
В обществе орков существовало разделение труда. Верховенствовали большие и сильные орки-воины, называвшие себя уруками. Менее сильные орки назывались «снага», то есть, раб, и выполняли иные функции, среди орков были гонцы, осуществлявшие связь между городами, ищейки, выслеживающие врагов, и, возможно, представители иных «специальностей». В качестве рабочей силы орки активно использовали пленников-рабов, которые работали на них, “*пока не умрут от недостатка воздуха и света*” (Hobbit, 4).

Хотя орки постоянно ссорились друг с другом, они почитали своих правителей, “*если убить вожжака, то орки по многу лиг гонятся за обидчиком, чтобы отомстить*” (LotR, Book Two, 6).

Взаимоотношения с соседями. Орки *“ненавидели всех и вся, а больше всего – тех, кто жил в покое и довольстве”* (Hobbit, 4). Они *“нередко совершали набеги на окрестные поселения, особенно когда у них кончались запасы еды или нужны были новые рабы”* (Hobbit, 6). Тем не менее с некоторыми народами им удавалось уживаться мирно, *“некоторые злые дварфы даже заключали с ними союзы”* (Hobbit, 4). Одним из примеров такого союза может служить совместное нападение орков и дварфов на Дориат (HoME-02, IV).

Орки, которые служили непосредственно Мэлькору или Саурону, искренне полагали, что их Властелин является полноправным хозяином Средиземья, а представителей свободных народов, не желавших подчиняться ему, называли бунтовщиками и разбойниками (LotR, Book Three, 3). Мэлькор убедил своих рабов, что эльфы очень жестоки *“и берут пленных лишь для «издевательств» или для того чтобы съесть их”* (HoME-10, Part Five, X), по этой причине *“в Древние дни очень немногие орки сдавались”* (там же). Однако, хотя в бою со стороны своих врагов орки встречали адекватную реакцию, и с ними воевали не на жизнь, а на смерть, законы запрещали эльфам проявлять к ним жестокость и вероломство, *“пленных орков нельзя пытать, даже для получения сведений, необходимых для защиты домов эльфов и людей. Если орк сдавался и просил пощады, он должен был получить ее, все равно какой ценой”* (там же), хотя эти поучения Мудрых *“среди ужасов Войны не всегда соблюдались”* (там же). Даже эльфы Мирквуда относились к оркам гуманно: *“лесные эльфы не гоблины и даже со злейшими своими врагами они обращались вполне сносно”* (Hobbit, 8).

Убитых в бою орков их враги хоронили отдельно от своих павших воинов или сжигали (LotR, Book Three, 2). Но некоторые народы, ненавидевшие орков за их злодеяния, порой допускали надругательства над трупами своих противников, так, рохиррим отрубали у орков головы и насаживали их на колья (там же), так же поступил с пленным орком Бэорн (Hobbit, 7).

Подобно эльфам, орки могли родниться с людьми, в результате чего рождались *“большие и хитрые человекоорки и ненадежные и подлые орколюди”* (HoME-10, Part Five, X). В частности, именно от таких союзов произошел народ урук-хай Сарумана. Не исключено, что браки с орками заключали даже хоббиты. Во всяком случае, среди хоббитов Ширы бытовали байки о том, что предки Бильбо Бэггинса Туки некогда женились на представительницах *“семей гоблинов”* (Hobbit, 1-st, 2-nd eds, 1 – в третьей редакции книги этот фрагмент был удален). Подобного рода слухи ходили и относительно отдельных представителей народа эльфов, в частности, о Маэглине говорили, *“что есть в нем орочья кровь”* (HoME-02, III).

Хронологический очерк.

Хотя орки владели письменностью и имели представление о своем прошлом, никаких исторических источников, оставленных ими, не известно. Поэтому все данные об их истории приходится черпать в документах, оставленных представителями иных народов.

Первая эпоха

1050 УТ. На востоке Средиземья, в Палисоре, у берегов Куйвиэнэн пробудились эльфы.

1080 УТ. Мэлькор обнаруживает эльфов. У Куйвиэнэн появляются привидения и призраки, начинаются похищения эльфов, неосторожно уходящих далеко от жилья. Приблизительно в этот период в Утumno мог начаться процесс выведения орков из похищенных эльфов.

1100 УТ. Мэлькор взят в плен и заключен в Мандос. Возможно, выведение орков продолжено Сауроном.

1330 УТ. Орки с севера приходят в Эриадор, где тревожат нандор и дварфов. Вскоре,

перевалив Эрэд Луин, а также обойдя хребет с юга, они появляются в Бэлэрианде, но Тингол изгоняет их при помощи оружия, и орки вынуждены покинуть его земли. Тем не менее, Дэнэтор собирает всех нандор, кого смог найти, и, оставив Эриадор, уводит их в Оссирианд.

1495 УТ. Мэлькор убивает светносные Древа, бежит из Амана и возвращается в Ангбанд. Почти четырехтысячелетний период относительной независимости орков заканчивается.

1497 УТ. Первая Война Бэлэрианда. Орки Мэлькора, перевалив северные горы, под покровом туч *“обошли Мэнэгрот с двух сторон и разорили земли меж Кэлоном и Гэлионом на востоке и равнины меж Сирионом и Нарогом на западе”* (Silmarillion, Quenta Silmarillion, 10). Тингол и Дэнэтор разгромили восточное войско, окружив его между Андрамом, Аросом и Гэлионом. Остатки орды, вырвавшиеся из кольца, были добыты дварфами Долмэда.

Западное же войско оттеснило Кирдана к морю и осадило гавани Фаласа, вынудив Мэлиан оградить Эпладор магической завесой и оставить Западный Бэлэрианд и долину Сириона оркам.

Вторая Война Бэлэрианда – Дагор-нуин-Гилиат, Битва-под-Звездами. Нолдор высаживаются на побережье залива Дрэнгист. Орки Мэлькора переходят Эрэд Вэтрин и нападают на лагерь нолдор на северном берегу озера Митрим, но нолдор заставляют их отступить в Ард-Галэн. Армии из долины Сириона и из Фаласа идут на помощь, но у холмов Эйтэль Сирион попадают в засаду, устроенную Кэлэгормом, и их оттесняют в топи Сэрэх, где большинство орков гибнет. Остатки войска, преследуемые Фэанором, бегут к Дор-Дадэлоту, где им приходят на помощь балроги. Нолдор отступают в Митрим.

1500 УТ. Восход светил. Орки, боящиеся солнечного света, теряют возможность активно действовать в дневное время. Они оставляют Дор-Дадэлот и спасаются в подземельях Ангбанда. Западный и Восточный Бэлэрианд попадают под власть нолдор.

В Хильдориэне проснулись люди. Битва Палисора. Орки, дварфы и совращенные люди под предводительством злого фэй Фангли напали на авари (илькоринов). Впоследствии, вероятно, Палисор был захвачен Фангли и его воинством дварфов. Возможно, именно тогда часть людей бежали на запад.

60 SY. Третья Война Бэлэрианда – Дагор Агларэб, Достославная Битва. Орки Мэлькора перешли Ард-Галэн и, разделившись на две армии, на западе двинулись вдоль Сириона, а на востоке – к Дортониону, через ущелье меж отрогами Эрэд Луин и холмами Маэдроса. Войска Финголфина и Маэдроса напали на восточную армию с двух сторон, обратили в бегство и полностью уничтожили у самых врат Ангбанда. Ангбанд осажден с южной стороны (Осада Ангбанда). Теперь орки имеют возможность проникать в Бэлэрианд лишь окольными путями через северные земли. Они часто захватывают пленников и доставляют их к Мэлькору. Частые нападения орков на дварфов Хитаэглир прекращаются, поскольку теперь *“Морготу потребовались все его силы”* (HoME-12, Part Two, X).

155 SY. Посланное Мэлькором небольшое войско орков, пройдя через северные земли и Ламмот, проникает в Хитлум. Армия Финголфина нападает на них у устья залива Дрэнгист и сбрасывает в море.

255 SY. Глаурунг опустошает Ард-Галэн, но отступает перед Финголфином и возвращается в Ангбанд. Долгий мир.

375 SY. Мэлькор посылает на эдайн отряд орков. Орки прошли через северные земли в Эриадор и, перевалив Эрэд Линдон, напали на халадинов. Люди отступили и укрепились в междуречьи Аскара и Гэлиона. Через семь дней к ним на помощь пришел Карантир и загнал орков в реку. Халадины покидают Таргэлион и уходят в Эстолад. Люди Хадора усиливают охрану северных границ нолдор.

455 SY. Четвертая Война Бэлэрианда – Дагор Браголлах, Битва Внезапного пламени. Мэлькор огнем выжигает Ард-Галэн. Перед волной огня шел Глаурунг с балрогами, за ними

следовала доселе невиданная армия орков, убивая эльфов и людей. На западе орки оттесняют эльфов в Хитлум и в ущелье у истоков Сириона, а на востоке с помощью Глаурунга опустошают Лотланн, захватывают укрепления в ущелье Аглона, на горе Рэрир и во Вратах Маглора, опустошают Таргэлион, прорываются в Восточный Бэлэрианд и доходят до Андрама и границ Оссирианда. синдар бегут из северных земель на юг, в Дориат, в Нарготронд, в гавани Фаласа, в Оссирианд и даже в дикие земли Эриадора. Маэдрос с Маглором осаждены в крепости Химринг. Эдайн покидают Дортонион и уходят в Бретилю и Дор-Ломин. Окончание четырехсотлетней осады Ангбанда.

457 SY. Саурон захватывает крепость на Тол-Сирион. Войско орков продвигается на юг вдоль Сириона, но в Брэтиле их разбили халадины и синдар. Тем не менее, орки Мэлькора хозяйничают от Сириона до Кэллона и одну за другой захватывают крепости эльфов, Дориат окружен.

462 SY. Орки Мэлькора осаждают Эйтель Сирион и вторгаются в Хитлум. Флот Кирдана заходит в Дрэнгист. Орки разбиты и бегут, преследуемые конными лучниками.

465 SY. Лутиэн изгоняет Саурона из Минас-Тирита. Нолдор, эдайн и вастаки ненадолго отвоевывают Северный Бэлэрианд и Дортонион.

472 SY. Пятая Война Бэлэрианда – Нирнаэт Арноэдиад, Битва Бессчетных Слез. Военачальники Мэлькора выманили нолдор из Хитлума на равнину Анфауглита. Преследуя орков, эльфы и люди прорвались в Ангбанд и попали в засаду. Основные силы орков отбросили врагов от стен Ангбанда и окружили. Но с юга пришли эльфы Гондолина, а с востока – войско эльфов Маэдроса, вастаков и дварфов. Мэлькор послал из Ангбанда в бой последние силы – волчьих всадников, балрогов и драконов. Вастаки предают Маэдроса и обращают в бегство его войско, которое уходит к горе Долмэд и в Оссирианд. Дварфы после гибели своего короля покидают поле боя. Войска Тургона под прикрытием эдайн бегут в Гондолин. Эльфы Хитлума частью пленены орками, частью бежали в гавани Фаласа. Хитлум заселяют вастаки. Орки хозяйничают на равнинах Бэлэрианда до Нан-Татрэна на западе и до Оссирианда на востоке.

473 SY. Орки Мэлькора проходят через Хитлум и Нэвраст, спускаются по Бритону и Нэннингу, вторгаются в Фалас и овладевают Бритомбаром и Эгларестом. Остатки эльфов Кирдана спасаются на острове Балар и в устье Сириона. Постоянные стычки орков с эльфами на границах с Дориатом.

489 SY. Многочисленные отряды орков Мэлькора вторгаются в Западный Бэлэрианд. Захвачен Димбар и все северные рубежи Дориата, на Амон-Руд уничтожена шайка Турина.

490 SY. Эльфы Нарготронда изгоняют орков с земель от Сириона до Нэннинга.

495 SY. Орки Мэлькора нападают на халадинов в Брэтиле и изгоняют их в леса. Глаурунг с огромным войском орков опустошает верховья Сириона и выжигает Талат Дирнэн. Войско Нарготронда выходит навстречу оркам, орки отбрасывают эльфов в Тумхалад, окружают их и уничтожают, после чего врываются в Нарготронд и разоряют его. Глаурунг становится хозяином Нарготронда и правит орками, поселившимися в его владениях.

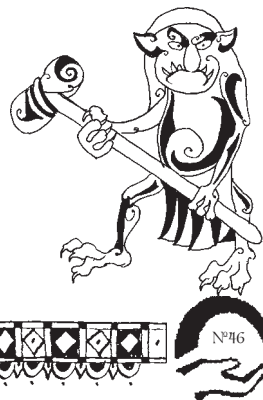
499 SY. Гибель Глаурунга.

503 SY. Дварфы, возможно, при поддержке орков нападают на Дориат, Тингол убит, Завеса Мэлиан снята.

506 SY. Резня между эльфами, нолдор окончательно разоряют Дориат.

510 SY. Взятие Гондолина. Войско орков, балрогов и драконов переходит северные горы. Во время штурма гибнут предводитель орков Мэлькора Отрод и лучшие витязи – Оркобал, Луг и Балкмэг.

538 SY. Междоусобицы эльфов продолжаются: нолдор разоряют гавани в устье Сириона. После этих событий никто в

Средиземье не мог открыто выступать против власти Мэлькора.

547 SY. Начало Войны Гнева или Великой Битвы. *“Бессчетные легионы орков гибли, как солома в огне, либо были сметены, как сухие листья огненным ветром. Немногие уцелели, дабы после тревожить мир”* (Silmarillion, Quenta Silmarillion, 24).

587 SY. Окончание Войны Гнева, пленение Мэлькора, затопление Бэлэрианда, миграция оставшихся в живых орков на восток. *“Когда Моргота, наконец, низвергли за пределы Арды, оставшиеся на Западе орки раздробились, стали буквально слабоумными, и долгое время не имели ни власти, ни цели”* (HoME-10, Part Five, X). Согласно другим данным, *“после того как Враг пал и Ангбанд был уничтожен, многие полчища орков, ища убежища, бежали на восток – хорошо вооруженные, жестокие, яростные, не знавшие удержу в нападении, – хотя теперь у них не было ни господина, ни даже верховного вождя”* (HoME-12, Part Two, X).

Вторая эпоха

“После падения Тангородрима, пока Саурон скрывался, во многих частях Средиземья орки преодолели свою беспомощность, основали собственные мелкие государства и привыкли к независимости” (HoME-10, Part Five, X). Они активно воевали против дварфов, обитавших в Хитаэглир, и *“в разыгравшихся битвах орки во много раз превосходили дварфов числом”* (HoME-12, Part Two, X), также они нападали на разрозненные поселения людей, живших в Эриадоре и долине Андуина. В результате длительных войн с орками люди и дварфы заключили союз, создав большое войско, *“способное молниеносно атаковать и успешно обороняться”* (там же).

Около 500. Саурон вновь появляется в Средиземье, он *“покинул свое укрытие и явился в прекрасном обличи. [...] постепенно он снова склонился ко злу и стал искать власти путем силы, подчинив себе орков и прочих лютых тварей Первой эпохи, и тайне начал возводить свою великую твердыню в окруженной горами южной земле, что впоследствии именовалась Мордор”* (HoME-12, Part Two, X).

1000. Начало строительства Барад Дура.

1200-1500. Саурон живет в Эрэгйоне, затем возвращается в Мордор.

1600. Окончание строительства Барад Дура. Саурон кует Единое.

1693. Начало войны Саурана с эльфами.

1695. Войска Саурана через Калэнардон вторгаются в Эриадор, поворачивают на север и идут к Эрэгйону. Эльфы Эрэгйона выходят на равнину, отбрасывают передовые отряды орков, соединяются с войском Эльронда, которое пришло из Линдона, но орки осаждают Эрэгйон.

1697. Орки Саурана берут приступом Эрэгйон и теснят войско Эльронда. Атака дварфов Мории и эльфов Лоринанда с тыла лишает Саурана возможности преследовать Эльронда, и тот бежит в Имладрис. Орки обрушиваются на дварфов и лоринандское войско, но те скрываются за Вратами Мории. Изоляция Мории, *“оркам велено всячески преследовать дварфов”* (UT, Part Two, IV). Орки повторно захватывают Гундабад, одно из мест пробуждения дварфов (когда произошел первый захват Гундабада орками, и когда он был отбит дварфами не ясно), а также занимают Эрэд Митрин.

1699. Войска Саурана, оставляя Морию и Лоринанд в тылу, захватывают весь Эриадор, преследуют и убивают эльфов и людей. Отправив отряд орков на осаду Имладриса, Саурон ведет основные силы в Линдон, с юго-востока к нему идет подкрепление.

1700. Десант нумэнорцев в Линдоне, войска Саурана терпят поражение и отступают к Барандуину. После битвы у Сарнского брода они уходят на юго-восток и у Тарбада соединяются с шедшим навстречу подкреплением. Десант нумэнорцев в устье Гватло, разгром Саурана.

1701. Остатки войск Саурана отступают в Калэнардон, где попадают в окружение, из которого удастся вырваться лишь самому Саурону и его телохранителям, которые уходят через Дагорлад и возвращаются в Мордор. Орки, осаждающие Имладрис, оказываются зажатыми

между войсками Эльронда и Гиль-Галада и разбиты.

Около 1800. Нумэнорцы начинают овладевать побережьем Средиземья. Саурон распространяет свою власть на восток от Мордора.

3262. Саурон приносит Ар-Паразону ленную присягу и отбывает в Нумэнор в качестве заложника.

3320. Основаны королевства Арнор и Гондор. Возвращение Саурана в Мордор.

3429. Войска Саурана нападают на Гондор, захватывают Минас Итиль, осаждают Минас Анор и Оsgилиат.

3434. Войска Последнего Союза переходят Хитаэглир. Поражение Саурана в битве при Дагорладе. Осада Барад Дура.

3441. Саурон повержен.

Третья эпоха

2. Орки Хитаэглир, затаившиеся в Мирквуде, под командованием воинов из Барад Дура истребляют отряд Исильдура в Ирисной низине.

1050. В Дол Гулдура обосновывается один из назгул.

Около 1300. В Хитаэглир множатся орки и нападают на дварфов. Предводитель назгул приходит в Ангмар, под его властью собираются люди и орки.

1409. Король-чародей вторгается в Арнор. Осада Форноста и Тирн Горгада, захват и разорение Кардолана и Рудаура, разрушение крепости Амон Сул. Эльфы Ривэндэлла, Лориэна и Линдона приходят на помощь дунэдайн и отвоевывают Кардолан.

1636. Великая Чума, опустошившая Гондор и Эриадор, по-видимому, затрагивает и орков.

1974. Король-чародей захватывает Форност. Конец Северного Королевства.

1975. Десант гондорцев в Линдоне, вместе с эльфами Кирдана гондорцы переходят Лун и заставляют короля-чародея отступить к Форносту. Гондорская конница, совершив обходной маневр, обращает армию Ангмара в бегство. Эльфы Ривэндэлла завершают уничтожение Ангмара, *"ни одного врага не осталось в живых к западу от гор – ни человека, ни орка"* (LotR, Appendix A). Король-чародей уходит в Мордор.

1981. Дварфы, разбудившие балрога, покидают Морию.

2000. Осада Минас Итиля.

2002. Взятие Минас Итиля.

2060. Мощь Дол Гулдура растет.

2063. Уход Саурана из Дол Гулдура.

2460. Возвращение Саурана в Дол Гулдур.

2475. Нападения на Гондор возобновляются, из Мордора приходят первые уруки, они захватывают Итилиэн и разрушают Оsgилиат. Гондорцы изгоняют орков из Итилиэна.

Около 2480. Орки строят тайные укрепления в Хитаэглир, укрепляют и стерегут все перевалы, ведущие в Эриадор. Заселение Мории.

2509. Нападение орков Хитаэглир на отряд Кэлэбриан у перевала на Карадрасе.

2510. Орки Хитаэглир участвуют в нападении балхот на Калэнардон.

2740. Орки Хитаэглир начинают набеги на окрестные земли. Вторжение орков в Эриадор.

2747. Поражение орды орков в Северной Чети в Шире. Гибель Голфимбула, короля горы Грэм.

2790. Орки Мории убивают Трора.

2793. Начало войны орков и дварфов.

2799. Битва в Нандухирионе перед Вратами Мории. Гибель Азога. Дварфы захватывают и разрушают все крепости орков, которые смогли обнаружить, от Гундабада до Ирисных Низин. Часть спасшихся орков отступают через Рохан и пытаются найти убежище в Эрэд Нимрайс.

2800-2864. Многочисленные нападения орков на Рохан.

2851. На горных тропах близ Дунхаргской крепости орки уничтожают дружину короля Валды.

2901. Набеги мордорских орков на Итилиэн. Уход людей из Итилиэна.

2911. Лютая Зима. Приход волков в Эриадор.

2941. Убийство Большого Гоблина. Нападение на Дол Гулдур, уход Саурана из Дол Гулдур. Битва Пяти Воинств. Гибель Болга Северного, сына Азога.

2942. Возвращение Саурана в Мордор.

2951. Саурон открыто заявляет о себе и начинает собирать силы в Мордоре. Восстановление Барад Дура. Трое назгулов занимают Дол Гулдур.

2953. Саруман укрепляет Айзенгард. Возможно, тогда же он начинает выводить свой народ урук-хай.

2954. Изгнание последних жителей из Итилиэна за Андуин.

2989. Вторжение dwarфов Балина в Морию.

2994. Орки Мории убивают Балина и уничтожают весь его отряд.

3018. Войска Саурана нападают на Осгилиат. Отряд орков нападает на владения Трандуила, обеспечивая побег Голлума.

3019. Война Кольца. Орки трижды штурмуют Лориэн и нападают на владения Трандуила. Кэлэборн и Галадриэль переходят в наступление и разрушают Дол Гулдур.

Четвертая эпоха

Окончательное свержение Саурана поставило орков в условия, подобные тем, что сложились в конце Первой эпохи: *“орки, тролли, поработанные с помощью чар звери бежали в разные стороны не разбирая дороги, очумело кидаясь то вправо, то влево. Одни бросились на меч, другие прыгнули в пропасть; остальные с воем ринулись прочь, ища спасения под землей, в темных убежищах, далеких от солнца, и от надежды”* (LotR, Book Six, 4). Некоторые орочьи племена Третьей эпохи имели большой опыт самостоятельной жизни, нежели рабы Мэлькора, и несмотря на значительные потери, после Войны Кольца продолжали жить в своих убежищах. Во всяком случае, в 14 году Четвертой эпохи Сэмвайз говорит, что в Мории орки еще живут: *“в таких местах осталось еще достаточно орков. Вряд ли мы когда-нибудь совсем от них избавимся”* (HoME-09, Part One, XI). Но, по-видимому, освободившиеся от своего Властелина орки перестали открыто нападать на соседей, по крайней мере в Гондоре через 105 лет после окончания Войны Кольца, во времена Новой Тени, об этом народе знают лишь понаслышке (HoME-12, Part Four, XVI). Как бы то ни было, орки выжили, поскольку уже в исторический период (V в. по Р. Х.) они совместно с dwarфами и недобрыми людьми побеждают эльфов в битве при мысе Рос (Бретань) и участвуют в нашествии на Тол Эрессэа (HoME-02, VI).

Зафиксированные имена орков

Азог (Azog) (†2799 III э.). Вождь орков Мории. Описан как *“огромный орк с гигантской головой, закованной в железо, и, однако же, проворный и сильный”*. В 2790 г. III э. убил пробравшегося в Морию Трора, приказал поставить ему на лоб клеймо со своим именем и выбросить его тело и отрубленную голову за порог, как предостережение прочим dwarфам и в знак того, что теперь в Кхазад-думе правит он, – присвоив купив вознаграждение вестнику в виде кошелька с мелочью. В битве в Нандухирионе пред Восточными Вратами Мории сразил в поединке Наина, предводителя dwarфов Рудного Кряжа. После гибели своего войска бежал к Вратам Мории, но Дани Железностоп настиг его у самых врат и зарубил его, и отсек ему голову, и *“великим подвигом сочли это dwarфы”*. Голову Азога dwarфы насадили на кол, засунув ему в рот кошелек с мелкими монетами (LotR, Appendix A, III). У Азога остался сын Болг Северный (Hobbit, 17).

Примечательно, что в исходном тексте *Хоббита* гоблин, убивший Трора в Мории, по имени не назван. Имя «Азог» было привнесено в текст из *Властелина колец* только в третьем издании 1966 г., а Болг, предводитель гоблинов в Битве Пяти Воинств, был назван его сыном.

Балкмэг (Balcmeg) (†510 I э.). Один из орков, участвовавших в битве за Гондолин. Сражен Туором во время штурма города (HoME-02).

Болг Северный (Bolg of the North) (†2941 III э.). Один из вождей орков Хитаэглир. Сын Азога. Возглавлял элитный отряд в Битве Пяти Воинств. Убит в том же бою оборотнем Беорном, принявшим облик гигантского медведя. Беорн разметал отряд телохранителей Болга, а его самого поверг наземь и растоптал (Hobbit, 17-18).

Болдог (Boldog) 1) (†465 I э.). Один из предводителей орков Ангбанда. Был послан Мэлькором во главе отряда к границам Дориата с целью захвата Лутиэн (по одной версии, прослышав о том, что Лутиэн бежала и скитается в лесах, по другой – с целью выкрасть Лутиэн из Мэнэгрота). В варианте, когда отряд Болдога послан в Дориат уже после прибытия посланцев Келегорма к Тинголу, он сталкивается с армией Тингола, выступившей против Нарготронда, что оправдывает участие в битве Бэлэга и Маблунга. Воины Тингола истребили весь отряд вместе с предводителем (HoME-03), сам Болдог был убит Тинголом (HoME-04). **2)** Слово «болдог» также трактуется, как высокое воинское звание, либо как название одного из майар, принявшего обличие орка, и почти столь же ужасного, как и балрог. “В летописях говорится о Великих орках или орках-предводителях, которых невозможно было убить и которые вновь появлялись в битвах на протяжении многих лет – куда более долгих, нежели срок, отпущенный людям” (HoME-10, Part Five, X). Здесь же Толкин, в качестве примера, ссылается на то, что имя «Болдог» в хрониках Войны встречается весьма часто; хотя Кристофер Толкин в примечании к этому месту признает, что не знает иных персонажей с таким именем, помимо Болдога, упомянутого в п. 1).

Голфимбул (Golfimbul) (†2747 III э.). Король гоблинов горы Грэм. Убит Бандобрасом Туком в битве на Зеленых Полях (Hobbit, 1). Тук снес Голфимбулу деревянной дубинкой голову. Голова отлетела на сотню ярдов и угодила в кроличью нору; так была выиграна битва и так появилась игра в гольф.

Горбаг (Gorbag) (†3019 III э.). Командир отряда орков из Минас Моргула. Убит Шагротом (LotR, Book Six, 1). Примечательно, что в черновиках *Властелина колец* имена предводителей орочьих отрядов из Кирит Унгола и Минас Моргула (Горбаг и Шагрот) поочередно меняются одно на другое; Дж. Р. Р. Толкин столько раз менял имена “этих красавцев” (по выражению Кристофера Толкина) местами, что в какой-то момент затруднился вспомнить, к какому окончательному решению пришел, и помечал их вопросительным знаком (HoME-09, Part One, 1). В некоторых версиях был назван иным именем – *Йагул (Yagul)* (HoME-09).

Гришнах (Grishnakh) (†3019 III э.). Орк из Барад-дура, командир отряда мордорских орков, посланного Сауроном на поиски Кольца. Описан как “низкорослое кривоногое существо, с длинными руками, свисающими до самой земли”; на щите – знак багрового ока. Смешанный отряд мордорских и айзенгардских орков, включавший в себя и орков Гришнаха, убил Боромира и захватил в плен Мериадока и Перегрину. Гришнах имел некое представление о Кольце; пожелав завладеть им и полагая, что Кольцо находится у Мериадока с Перегрином, похитил хоббитов у айзенгардских орков, когда орочий лагерь окружили рохиррим. Убит в последовавшей битве с рохиррим (LotR, Book Three, 3). В некоторых версиях был назван чуть иначе – *Гришнак (Grishnak)* (HoME-09).

Гхаш (Ghash) (†3019 III э.). Один из солдат Кирит Унгола. Убит орками из отряда Горбага (HoME-09, Part One, 1). Во *Властелине колец* назван *Музгашем*. Слово «гхаш» в Черной Речи имеет значение «огонь».

Дунгалэф (Dungalef). Этим именем назвал себя Саурону переодетый орком Финрод (HoME-03, III). Слово представляет собой анаграмму его собственного имени Фэлагунд.

Йагул (Yagul) (†3019 III э.). Командир отряда орков из Минас Моргула (HoME-09, Part One, 2). Во *Властелине колец* назван *Горбагом*.

Лэгдуф (Lagduf) (†3019 III э.). Один из солдат Кирит Унгола. Убит орками из отряда Горбага в сваре из-за митрильной кольчуги Фродо. Вместе с Музгашем пробился за ворота, с целью привести подкрепление, но был застрелен (LotR, Book Six, 1). В некоторых версиях был назван иным именем – *Лугхорн* (HoME-09, Part One, 2).

Луг (Lug) (†510 I э. (?)). Один из орков, участвовавших в битве за Гондолин. Исколечен Туором и, вероятно, погиб во время штурма города (HoME-02, III).

Лугдуш (Lugdush) (†3019 III э. (?)). Один из урук-хай Айзенгарда, которому Угрук поручил охрану пленных Мериадока и Перегрину в ночь битвы с рохиррим. Вероятно, погиб в этой битве (LotR, Book Three, 3).

Лугхорн (Lughorn) (†3019 III э.). Орк из Кирит Унгола (HoME-09, Part One, 1). Во *Властелине колец* назван *Лагдуфом*.

Маухур (Mauhúr) (†3019 III э. (?)). Командир отряда урук-хай из Айзенгарда, посланного Саруманом на помощь отряду Углука. Пытался пробиться сквозь кольцо рохиррим, окруживших лагерь Углука. Вероятно, убит в битве с рохиррим (LotR, Book Three, 3).

Музгаш (Muzgash) (†3019 III э.). Один из солдат Кирит Унгола. Убит орками из отряда Горбага в сваре из-за митрильной кольчуги Фродо. Вместе с Лагдуфом пробился за ворота, с целью привести подкрепление, но был застрелен (LotR, Book Six, 1). Вариант написания имени – *Мазгаш (Mazgash)*, в некоторых версиях был назван именем *Гхаш (Ghash)* (HoME-09, Part One, 1).

Нэрэб (Nereb). Этим именем Финрод назвал Саурону Бэрэна, переодетого орком (HoME-03, III). Слово представляет собой анаграмму имени Бэрэна.

Оркобал (Orcobal) (†510 I э.). Лучший из воинов орков, участвовавших в битве за Гондолин. Убит Эктэлионом во время штурма города (HoME-02, III).

Отрод (Othrod) (†510 I э.). Предводитель орков, участвовавших в битве за Гондолин. Убит Туором во время штурма города (HoME-02, III).

Радбуг (Radbug) (†3019 III э. (?)). Один из солдат Кирит Унгола. Искалечен и, вероятно, убит своим командиром Шагратом за неповиновение после схватки между орками Кирит Унгола и отрядом Горбага из Минас Моргула (LotR, Book Six, 1).

Снага (Snaga) **1)** (†3019 III э. (?)). Один из разведчиков отряда урук-хай Углука. Вероятно, погиб в битве с рохиррим (LotR, Book Three, 3). **2)** (†3019 III э.) Один из солдат Кирит Унгола. Убит Сэмвайзом Гэмджи (LotR, Book Six, 1). **3)** Слово «снага» также трактуется, как «раб»: так, в частности, урук-хай называли орков меньшего роста. Не исключено, что в первых двух указанных случаях это не имена, а эпитеты.

Угрук (Uglúk) (†3019 III э.). Командир отряда урук-хай Айзенгарда, посланного Саруманом на поиски Кольца. Описан как огромный орк с желтыми клыками. Смешанный отряд мордорских и айзенгардских орков, включавший в себя и урук-хай Углука, убил Боромира и захватил в плен Мерри и Пиппина. Убит во время битвы с рохиррим в личном поединке с Эомэром – при этом Эомэр специально спешился и сражался в равных условиях со своим противником (LotR, Book Three, 3).

Уфтахак (Ufthak) (жил в III э.). Один из солдат Кирит Унгола. Был пойман Шелоб и опутан паутиной; его сотоварищи-орки нашли его, но не стали освобождать, опасаясь разозлить паучиху. По-видимому, съеден Шелоб (LotR, Book Four, 10).

Шаграт (Shagrat) (жил в III э.). Командир отряда мордорских орков в крепости Кирит Унгол. Один из немногих уцелел после побоища между орками крепости и отрядом Горбага из Минас Моргула, не поделившими митрильную кольчугу Фродо. Был серьезно ранен в руку; однако уберечь кольчугу для Саурана (LotR, Book Four, 10, Book Six, 1).

Примечательно, что в черновиках к *Властелину колец* имена предводителей орочьих отрядов из Кирит Унгола и Минас Моргула (Горбаг и Шаграт) поочередно меняются одно на другое; Дж. Р. Р. Толкин столько раз менял имена «этих красавцев» (по выражению Кристофера Толкина) местами, что в какой-то момент затруднялся вспомнить, к какому окончательному решению пришел, и помечал их вопросительным знаком (HoME-09, Part One, 1).

Библиография работ об орках

[Барановский В.] *Ингвалл*. Гипотеза о природе орочьей популяции в юго-восточном Эриадоре в 2800-3000 годах Третьей Эпохи. <http://ingwall.by.ru/saruman-orki.html>

[Белов И.] *Осмогеп*. Орки: кто они и откуда. <http://www.kulichki.com/tolkien/archiv/manuscr/orkost.shtml>

Виноходов Д. Орки: гипотеза о происхождении. // "Палантир", 2002, №32, с. 16-17. <http://eressea.ru/library/public/winokh1/winokh1.htm>

[Гелозаев А.] *Курт*. Об историческом знании, о терминах или о штандартенфюрерах на Куликовом поле. <http://eressea.inc.ru/library/public/kurt1.shtml>

- [Гелозаев А.] Summa contra orcor/orcophiles: к вопросу о тотальном уничтожении орков. http://www.daereth.diallink.net/summa_contra_orcor.htm
- [Егоров А.] Галадин. Дискуссия по феа орков. <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/orkvl.shtml>
- Иванов В. (Халгар Фенрирссон) Культура орков по материалам JRRT. <http://toor.tyumen.ru/elformen/>
- Иванов О. (Хэльги Лилецкий) О влиянии Саурана на образование государственности гоблинов в Мглистых Горах. <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/goblins.shtml>
- Лайхэ. Об орках, не читавших Толкиена. <http://eressea.ru/tavern7/inf-0019.shtml>
- Мартыненко В. Битва пяти воинств в свете современной военной науки.
- Немировский А. Древняя Арда: антропогенез и расообразование. <http://eressea.inc.ru/library/public/nemir1.shtml>
- Немировский А. Заклятье кольца и идентификация Черной Речи. <http://eressea.inc.ru/library/public/nemir3.shtml>
- Немировский А. Оркский доспех эпохи Войны за Кольцо и вероятная тактика оркских подразделений. <http://eressea.inc.ru/library/public/nemir2.shtml>
- [Немировский А.] Fragmenta historiae orcum (фрагменты истории орков) и сопутствующие материалы по истории Тьмы и расогенеза Арды.
- Нолондиль. Об Ангмарских войнах, гибели Рудаура и других вопросах, с этим связанных. <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/nolondil.shtml>
- [Первухова Н.] Тулиндо. Орки: происхождение и сущность: путешествие по черновикам Толкиена. <http://sabrina00.narod.ru/orcs.html>
- Резолюция Собора по вопросу “Есть ли у Орков феа”. <http://tsobor.chat.ru/orkfea.htm>
- [Роцин. Д.] Ринглин. Орки. <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/orkdm.shtml>
- Стэн Л. (при поддержке Джеппи из Инпа). Орки, как стратегическое оружие Ангбанда. <http://eressea.ru/tavern7/inf-0021.shtml> sten01.doc
- [Шапиро Б.] Elenhil Laiquendo. Текстологическая основа спора об одухотворенности орков у Толкина: Изучение текстов VIII, IX и X “Мифа преображенного”. http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/el_orcs.shtml
- Элендемир. Расы: Орки. <http://www.tolkien.site.narod.ru/races/orcs.htm>
- Ainur Elmgren. The Image of the Enemy: An issue of Race and Class in the Works of J. R. R. Tolkien http://www.ainurin.net/image_of_enemy_intro.htm
- Amillo. The Origin of Orcs. <http://valarguild.org/varda/Tolkien/encyc/papers/orcsAmillo.htm>
- Appleyard A. The black speech. <http://www.dcs.ed.ac.uk/misc/local/TolkLang/articles/Appleyard.BlackSpeech> (та же работа в переводе Кутузова А.): Черное наречие. <http://toor.tyumen.ru/elformen/black.html>
- Berman R. Here an Orc, There an Ork.// Mythlore 1969, № 1.1. P. 8-10.
- Burgess M. W. Of Barghest, Orc and Ringwraith.// Amon Hen, 1985, № 75. P 15-16.
- Fauskanger H. K. Orkish and the Black Speech – base language for base purposes. <http://www.uib.no/people/hnohf/orkish.htm>
- (та же работа в переводе Drauger): Язык Орков и Черное Наречие – низкий язык для низких целей. <http://drauger.chat.ru/bs.htm>
- Goblin.// Oxford English Dictionary CD-ROM. Version 1.13. Software B.V. 1994.
- Helms R. Orc: The Id in Blake and Tolkien.// Literature and Psychology, 1970, № 20.1. P. 31-35.
- Hostetter C. F. (в переводе Парфентьева П.) Углука – в навозную яму.
- Lashkhi G. (HerenIstarion). All about orcs. http://www.barrowdowns.com/articles_orcs.asp?Size=LO (та же работа в переводе Ари): Все об орках. http://www.minas-tirit.ru/race_orc.php
- Loback T. Orc hosts, armies and legions: A demographic study.// Mythlore, 1990, № 16.4 (62). P. 10-16.
- Loback T. Orc military organization and language.// Parma Eldalamberon, 1990, №8.
- Loos W. D. B. History of the Orcs.// Tolkien frequently asked questions list. <http://www.thetolkienist.cjb.net/>
- Loos W. D. B. What was the origin of the Orcs?// Tolkien frequently asked questions list. <http://www.thetolkienist.cjb.net/>
- Loos W. D. B. What was the relationship between Orcs and Goblins?// Tolkien frequently asked questions list. <http://www.thetolkienist.cjb.net/>
- Martinez M. All the king's horses and all the king's men... <http://www.suite101.com/article.cfm/tolkien/80731>
- Martinez M. Is that an Orc in your pocket, or are you just happy to be evil? <http://www.suite101.com/article.cfm/tolkien/68459>

Martinez M. Real orcs don't do windows. <http://www.suite101.com/article.cfm/tolkien/96689>

Orc, ork.// Oxford English Dictionary CD-ROM. Version 1.13. Software B.V. 1994.

Shippey T. A. Orcs, Wraiths, Wights: Tolkien's Images of Evil.// J.R.R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-Earth.// George Clark, Daniel Timmons – eds.// Greenwood Press: Westport, CT, 2000, pp. 183-198.

(та же работа в переводе Виноходова Д. и Хананашвили А.): *Шиппи Т. А.* Орки, призраки, нежить: толкиновские образы зла.// "Палантир", 2004, №43, с. 3-17.

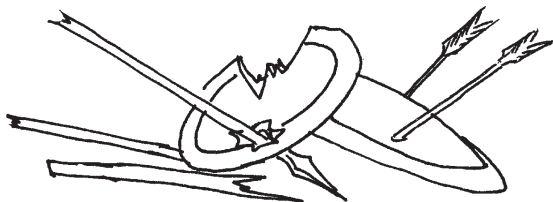
Tyellias. The Unnatural History of Tolkien's Orcs. <http://www.ansereg.com/TheUnnaturalHistoryofTolkiensOrcs.pdf>

Основные источники:

- LotR (Book II, Ch. 2, 4, 5, 6, Book III, Ch. 1, 2, 3, 4, 5, 7, Book IV, 4, 7, 8, 10, Book V, Ch. 5, 10, Book VI, Ch. 1, 2, 4, Appendix A-III, B, E-II, F);
- S. (QS, Ch. 3, 10, 17, 21, 24);
- H. (1-st, 2-nd editions, Ch. 1); H. (3-d edition, Foreword, Ch. 1, 4, 5, 6, 7, 8, 14, 17, 18);
- HoME-01 (X "Gilfanon's tale", Appendix);
- HoME-02 (I "The tale of Tinuviel", II "Turambar and the Foaloke", III "The Fall of Gondolin", IV "The Nauglafring", Appendix);
- HoME-03 (I "The lay of the children of Hurin", III "The lay of Leithian");
- HoME-04 (II "The earliest Silmarillion", III "The quenta", VI "The earliest annals of Valinor");
- HoME-05 (Part Two, V "The Lhammas", VI "Quenta Silmarillion", Part Three "The Etymologies", Appendix II);
- HoME-06 (III "Of Gollum and the Ring");
- HoME-09 (Part One, XI "The epilogue", Part Three "The drowning of Anadune");
- HoME-10 (Part Two "The annals of Aman", Part Four "Athrabeth Finrod ah Andreth", Part Five "Myth transformed" VII, VIII, IX, X);
- HoME-11 (Part Four "Quendi and Eldar");
- HoME-12 (Part one, II "The Appendix on Languages", Part Two, X "Of Dwarves and Men", Part Four, XVI "The New Shadow");
- Letters (№№25, 144, 151, 153, 181, 210, 212, 257);
- The Qenya Lexicon.// Parma Eldalamberon, №12, 1998;
- A Tolkien Compass: Guide to the names in LotR;
- Tolkien: artist and illustrator.
- UT (Part Two, IV "History of Galadriel and Celeborn", Part Four, I "The Druedain").

Дополнительные источники:

- *Карпентер Х. Дж.* Р. Р. Толкин: Биография. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002, 432 с.
- *Шиппи Т. А.* Дорога в Средьземелье. – СПб: ООО Издательство "Лимбус-Пресс", 2003, 824 с.
- Beowulf.
- Orc, ork.// Oxford English Dictionary CD-ROM. Version 1.13. Software B.V. 1994.
- *Shippey T. A.* J. R. R. Tolkien: Author of the century. – London: HarperCollinsPublishers, 347 p.

Том Шиппи Толкин и Исландия: мифология зависти

Перевод Ю. Канчукова

Одно из наиболее распространённых мнений о Дж. Р. Р. Толкине гласит, что в своей художественной прозе он стремился создать "мифологию для Англии". Сам он такой конкретной фразы, возможно, никогда и не произносил, но всё же не раз высказывал нечто очень похожее. Так, в одном из писем, написанных после публикации "Властелина Колец" или "Hringadróttins saga"¹, он пишет, что "поставил перед собою задачу, самонадеянность которой полностью осознавал с трепетом душевным – а именно возродить для англичан эпическую традицию и даровать им собственную мифологию". [1] В другом, более раннем письме он заявляет более обстоятельно:

некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд – от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки [...], цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии.² [2]

Это письмо было написано в 1951 году, когда "Властелин Колец" ещё не был ни издан, ни хотя бы принят каким-либо издателем, в то время как "Сильмариллион" уже был предложен к изданию и твёрдо отклонён. Теперь мы знаем, что в 1951-м году Толкином уже был выстроен основной корпус сказания, простирающегося от космогонии (ранние части "Сильмариллиона") и до эпоса ("Властелин Колец"). Он отказался от мысли посвятить эти работы "стране моей, Англии", но вполне вероятно, что основным побудительным мотивом их создания был мотив национально-мифологический.

В этом своём стремлении он, конечно, был вовсе не одинок, хотя предшественники опередили его на добрую сотню лет. В 1835-м Якоб Гримм создал свою немецкую мифологию, а чуть раньше Николай Грюндтвиг³ сотворил даже две (1808 и 1832) различающиеся версии мифологии скандинавской, и оба они действовали, исходя из сходных патриотических побуждений. При этом Толкин столкнулся с проблемой, или, точнее, сразу с двумя проблемами, которые у двух его предшественников стояли не так остро. Первая заключалась в том, что почти ничего из древней английской дохристианской традиции или соответствующих мифов не сохранилось: не существовало никакой древней английской Эдды. Не было в Англии и никого подобного Йоуну Арнасону⁴ или хотя бы чего-нибудь, вроде *Haus- und Kindermärchen*⁵ Гриммов. К тому времени, когда собиратели народных сказок добрались до Англии, там не осталось почти ничего, что можно было бы собирать. Однако на Британских островах так дело обстояло не всюду – к примеру, братьями Гримм в 1826 был издан их собственный перевод *Irish Elfenmärchen*⁶ Томаса Крокера. Но Толкина никогда не заботили национальные чувства британцев или кельтов: он был патриотом Англии, потому это ему не пригодились. В цитированном уже выше втором письме он пишет:

... Меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у неё нет собственных преданий (связанных с её языком и почвой), во всяком случае того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель... Разумеется, был и есть обширный артуровский мир, но при всей его величественности он не вполне прижился, ассоциируется с почвой Британии, но не Англии; [также] артуриана не только связана с христианством, но и явным образом его в себе содержит. В силу причин, в которые я вдаваться не буду, это мне кажется пагубным.

Элемент ревности или зависти присутствует и в черновиках, написанных Толкином, вероятно, в 1917 году, где он заявляет, говоря о самых ранних версиях “Сильмариллиона”:

Таким образом, именно ... у англо- [т. е. англичан] сохранились правдивые предания о фэери⁷, о которых *Iras* и *Wealas* [и́рас и ве́алас: древнеангл. “ирландцы” и “валлийцы”] рассказывают небылицы.⁸ [3]

Толкину крайне необходимы английские мифы, легенды, волшебные сказки, но их не существует. Он отказывается заимствовать что-либо из кельтской традиции, которую расценивает как чуждую. Так что же делать? Естественным выходом оказываются заимствование из древнескандинавских сказаний, которые, по филологическим причинам, он **не** расценивает как инородные.

Была, однако, и ещё одна проблема, заключающаяся в том, что на протяжении всей своей жизни Толкин был верующим христианином и принадлежал (в отличие от Гримма и Грюндтвига) к римско-католической церкви. Можно с полной уверенностью сказать, что верующему христианину не должно быть никакого дела до восстановления языческих мифов и создания некой альтернативной мифологии. Есть лишь один истинный миф – христианский, и он не терпит никаких конкурентов, поскольку, как известно из первой заповеди, “Да не будет у тебя других богов, кроме меня”. Таким образом, если первый из поставленных мною вопросов звучит “**каким образом** мог Толкин создать мифологию для Англии?”, то вторым должен стать “**зачем** ему вообще понадобилось её создавать?” Сначала – детальный ответ на второй вопрос.

*

Сегодня, позабыв очень многое, легко пренебречь тем влиянием, которое оказала на научный мир древнескандинавская литература, открытая заново из исландских источников между семнадцатым и девятнадцатым веками. История этого влияния частично описана, к примеру, д-ром Воном в его книге “Викинги и викторианцы”⁹, но началось оно, конечно, ещё до Викторианской эпохи.

Я не в состоянии привести более полный, чем у других, перечень, но в качестве основных поворотных моментов этого влияния могу назвать: исследование Оле Ворма “Руны: древнейшая датская литература...”¹⁰ (1636), основанное на манускриптах, подготовленных Магнусом Олавссоном из Лаувы¹¹; доставку епископом Брюньольфом Свейнссоном [Brynjófr Sveinsson] манускрипта *Codex Regius*¹² “Поэтической [или Старшей] Эдды” в Копенгаген в 1662; “Antiquitatum Danicarum de Causis Contemptæ Mortis a Danis adhuc gentilibus libri tres ex vetustis codicis & monumentis hactenus ineditis congesti”¹³ (1689) Томаса Бартолинуса; “Monuments de la mythologie et de la poésie des Celtes et particulièrement des anciens Scandinaves”¹⁴ (1756) Малле [Mallet]; перевод Томасом Перси текстов Малле под названием “Северные древности”¹⁵ (1770) и принадлежащие уже самому Перси “Пять фрагментов рунической поэзии, переведённые с исландского”¹⁶ (1763). Кроме того, известный мне неполный перечень основных факторов этого влияния не способен ответить на вопрос, благодаря чему “Поэтическая Эдда”, “Прозаическая Эдда” Снорри Стурлусона, *Krákumál*¹⁷ и даже *fornaldarsögur*¹⁸, оказались настолько привлекательными. Приведу, очень кратко, три причины, которые, насколько понимаю, повлияли как на стремление самого Толкина воссоздать утраченную английскую мифологию, так, возможно, и на сходные побуждения подобных ему воссоздателей.

Причина первая – древнескандинавская мифология на удивление потешна. Я не хочу сказать “комична”. Точнее будет – забавна. Главный герой скандинавского мифа, Тор, сплошь и рядом оказывается объектом осмеяния, что совершенно непредставимо по отношению к Зевсу или Юпитеру. Вспомните, как он, переодетый во Фрейю, пытается вернуть свой молот в *Þrymskviða*¹⁹, заданный там же вопрос гиганта:

Hví eru öndótt	augu Freyju?
Þykki mér ór augum	eldr brenna ²⁰

и хитрый ответ Локи:

Svaf vætr Freyja	átta nóttum,
svá vas honóð fús	í Jötunheima. ²¹

Вспомните Тора, изо всех сил старающегося осушить в доме Утгарда-Локи рог, второй конец которого опущен в море, или – как он пытался оторвать от земли кота, являющегося в действительности “Мировым змеем, всю землю обвивающим”. Такого никогда не услышишь о Геракле. Но есть множество и других примеров. “Кракумал” завершается словами Рагнара Лодброка *hlæjandi skal ek deyja*²², а в другой версии

его смерти в *ormgarðr*²³ его последние слова – *gnyðja munu grísir ef galtar hag vissi* – “прознав о смерти старого борова, поросята захрюкают”. Но если *gnyðja*²⁴ – безусловно, вульгарное слово, то “поросята” – забавная форма именования *Ívarr hinn beinlausí*²⁵ и *Sigurðr orm í auga*²⁶. Ничего подобного не встретишь в “Энеиде” Вергилия.

Однако эти вульгарные или забавные формы изложения мифической или героической истории никоим образом не рассчитаны на то, чтобы принизить статус скандинавских богов или героев, а, скорее, наоборот. И скандинавская сага и Эдда вполне допускают обращения и возвышенные и выспренные, в чём можно убедиться по *Völuspá*²⁷ или *Sólarljóð*²⁸. Забавное, героическое и возвышенное мирно соседствуют друг с другом и на страницах “Введения в древнескандинавский”, изданного Гордоном [E. V. Gordon] в 1927 г., в “Предисловии” к которому выражена особая признательность Толкину. Книга эта, несомненно, создавалась в то время, когда Толкин и Гордон тесно сотрудничали, общаясь как коллеги в Лидском университете в середине 20-х годов прошлого века. По сути, я склонен полагать, что эта книга прекрасно демонстрирует вторую причину привлекательности древнескандинавской литературы для научного мира: будучи достаточно забавной, она не в меньшей степени пренебрегает традиционным правилом хорошего тона о недопустимости смешивания разных стилей – высокого, среднего и низкого: смешивания, являющегося общеизвестной исконно английской чертой. Собственно, именно она и сделала Шекспира неприемлемым для Вольтера, однако древнескандинавская литература обеспечила этому английскому недостатку славную родословную. (Позволю себе отметить, *en passant*²⁹, что в этом своём “Введении” Гордон даёт странно составленное описание битвы при Стикластадире³⁰, в высшей степени “бестактное” и в чём-то напоминающее мне финал “Герплы”³¹.)

Ну, а в качестве третьей причины значительного влияния древнескандинавских мифов на европейских учёных и на Толкина, я назвал бы то обоснование, которое даётся в них героизму. Пожалуй, наиболее удивительным из образов древнескандинавской мифологии для христиан является идея Рагнарёка – Армагеддона, в котором одерживает победу зло. Толкин очень интересовался этой идеей, в чём можно убедиться по его комментариям к “Беовульф” в лекции, прочитанной в 1936 г. в Британской Академии:

Именно сила северного мифологического воображения, столкнувшегося с этой проблемой, поставила чудовищ в центр, отдав им победу, но не славу, и нашла несколько эффективное, настолько же и ужасающее решение в голой воле и отваге. “Абсолютно неуязвимое как любая работающая теория”, оно оказалось настолько мощным, что когда более старое южное [то есть, классическое] воображение поблекло даже в литературной орнаментике, северное обладает силой некоторым образом возродить свой дух даже в наше время. Оно способно работать, как это произошло даже с *godlauss*³² викингами, и в отсутствии богов: воинский героизм как самоцель. Но нам следует помнить, что создатель “Беовульфа” ясно сознавал: награда за героизм – смерть”. [4]

Необходимо также отметить, что Толкин, занимавшийся всем этим как раз в начале Второй мировой войны, был, к тому же, ещё и очень обеспокоен могуществом этой идеи: он понимал, что идеал, представленный концепцией жертвенного героизма, может быть использован и в целях обратных, как это и произошло в действительности несколькими годами позже – в ходе целенаправленного культивирования *Götterdämmerung*³³ лидерами нацизма. Однако благодаря этому же идеалу формировался образ героической добродетели, способной существовать и вызывать восхищение вне рамок христианства. В некотором отношении древнескандинавская “концепция отваги” могла быть расценена даже как этически превосходящая концепцию не только классическую, но даже и свойственную христианскому мировоззрению, в которой для того же требовалась готовность к добродетели без ожидания какого-либо последующего вознаграждения. Людям надлежало сражаться с чудовищами, потому что это – их долг, а не потому, что можно было рассчитывать на поражение чудовищ или победу богов. На фоне глубокого разочарования, охватившего после 1918 года Западный мир и в особенности – Англию, древнескандинавская мифология выглядела защищённой от неуверенности в себе именно потому, что у неё и не было никакой веры в себя.

Таким образом, в ответ на свой вопрос, **зачем** Толкину понадобилось изобретать новую мифологию, я мог бы сказать, что ему, как Гримму или Грюндтвигу, очень хотелось создать мифологию, которая выглядела бы национальной и не отождествлялась с иудео-христианством. К тому же он ощущал, что древняя скандинавская мифология являла собою образец того, что можно назвать “добродетельным/незамутнённым язычеством”, диким и варварским³⁴. Он чувствовал собственное несовершенство и уже готовился к

обращению к этой мифологии, но был ещё охвачен отчаянием и разочарованием, свойственными большей части постхристианской литературы XX столетия. Он отстаивал своё право творить мифологию и в длинном стихотворении, названном им “Mythoroeia”³⁵. К сказанному выше я добавил бы, что решающим в ряду факторов, определяющих привлекательность исландской литературы для Толкина, был тот факт, что большая её часть была утрачена. Всю свою жизнь Толкин испытывал удовольствие, заполняя пустоты в том, что сохранилось. Существует, к примеру, широко известный пропуск в “Поэтической Эдде” манускрипта *Codex Regius*, где отсутствуют приблизительно восемь страниц цикла о Сигурде. И Толкин написал две поэмы, чтобы заполнить эту лауну: на древнеисландском, с соблюдением соответствующего ритма. Называются они, как мы полагаем, *Sigurdarkviða hin nýja*³⁶ и *Gudrúnarkviða hin nýja*³⁷. К сожалению, до сих пор оба эти текста остаются неопубликованными.

*

Теперь я должен вернуться к первому из своих вопросов: **как** Толкин мог создавать свою новую “мифологию для Англии”, не имея англоязычного материала для работы? Ответ, по сути своей, оказывается достаточно простым. Толкин исповедовал то, что мы назовём Уловкой Лидского университета, применяемой на практике и до сих пор и состоящей в том, чтобы исходить из утверждения, будто в действительности скандинавская литература является английской: во-первых, потому что и оба эти языка, и обе культурные традиции являются родственными с точки зрения филологии, а во-вторых, потому что когда-то в отдельных районах Англии, включая Лидс, коренные жители разговаривали на скандинавском так же естественно, как и на английском. Песни “Старшей Эдды”, возможно, были написаны не на английском, но, вероятно, были написаны в Англии. В любом случае, возможно, они написаны по-английски. Грим Йонсон Торкелин³⁸ утверждал, что “Беовульф” написан на древнеанглийском, который, подобно древнеисландскому, является просто диалектом древнедатского: роета *danicum dialecto anglosaxonica*. Грюндтвиг согласился с ним, заметив, что все эти языки являются всего лишь диалектами древнескандинавского. Гримм, конечно, не соглашался, настаивая, что английский язык был исконно германским – формой *Platideutsch*³⁹, так а чего вы ожидали? Ему в середине XIX века ответил Гисли Бриньольвссон⁴⁰, настаивавший, что в действительности английский язык происходит от южноскандинавского, а не от западногерманского. Последняя работа копенгагенского профессора Георга Стрефенса⁴¹ называлась “Er Engelsk en tysk sprog”⁴², и его ответом было “Нет”! Тем не менее, вопрос этот остаётся спорным и по сей день. Но давайте просто скажем себе, что это легко и филологически допустимо – представлять древнеисландский как древнеанглийский, и при этом убедим себя, будто нечто, вымышленное вами, когда-то существовало в действительности: это и будет тем, что неоднократно проделывал Толкин.

Свидетельства этому можно обнаружить, начиная с самых ранних его проб в беллетристике, написанных им, возможно, ещё в 1917-м, но изданных только семьдесят лет спустя. В этих ранних набросках “Сильмарилиона” Толкин создаёт пантеон Валар, являющихся своего рода полубогами, или демиургами, но обладающими сверхъестественными способностями, намного превосходящими человеческие. Подчиняются Валар Эру, Единому, являющемуся всемогущим Богом, о котором они прекрасно осведомлены. Валар можно назвать асами⁴³, приспособленными к христианству. Так, один из Валар, воинственный Тулкас, выглядит копией описанного у Снорри бога войны Тюра, в то время как само имя *Tulkas* очень сходно с предположительно раннегерманской формой скандинавского слова *tulkr*, “толмач; глашатай”, получившего в среднеанглийском значение “воин”. Таким образом, как можно заметить, слово “tolke” является английским, но произведено оно от скандинавского *tulkr*, при том что оба они произошли от одного и того же корня **tulkas* [“переводить, толковать, объяснять”], потому в действительности скандинавский и английский – суть один язык. Таким же образом Толкин довольно опрометчиво включает приведённое Снорри описание Вальхаллы [Valhöll] в раннюю версию собственной мифологии (позднее оттуда исключённое как чрезмерно воинственное), в то время как истинным источником всех его мифологических преданий стала, похоже, идея о существовании эльфов или *álfar*. Я не буду особо задерживаться на этом, зная, что эту тему собираются поднимать д-р Гуннелл⁴⁴. Упомяну лишь, что опять в высшей степени невнятные и зыбкие описания *yífe*, встречающиеся в древнеанглийских текстах, – вполне достаточные, чтобы показать, что в раннем английском языке существовали и это слово и это понятие, – оказываются слишком общими для того, чтобы принять описания как Снорри Стурлусона, так и, полагаю, датских и норвежских средневековых баллад.

Однако, возможно, наиболее разоблачительным аспектом ранней мифологии Толкина является его попытка объяснить, как он обрёл её. Как филолога его никогда не удовлетворяло простое обладание

сказанием: кроме собственно текста ему было необходимо выяснить ещё и линию его передачи. Как так получилось, что только “у англово сохранились правдивые предания о фэери, о которых *ирас* и *веалас* рассказывают небылицы”? Ответ Толкина выглядел следующим образом: мифология эльфов была поведена ими некоему древнему англичанину, носившему имя Ottor (не Ohthere, безусловно не английское, не Óttarr, определённо не исландское, но – Ottor, которое можно отнести и к тем, и к другим). Этот Ottor был отцом Хенгеста [Hengest] и Хорсы [Horsa], легендарных основателей Англии, потому он должно быть именно англичанином. Но не тут-то было, поскольку Хенгест, как известно, был ютом⁴⁵, уроженцем полуострова Ютландия и потому – датчанином. И вновь не тут-то было, потому что с точки зрения Толкина юты того времени были глубоко враждебны датчанам, и “Беовульф” повествует, в частности, о ютландско-датско-английском противостоянии. Да, но кем же был Хенгест [Hengest] – или Хеньест [Henjest], как неизменно называл его Толкин, настаивавший на палатализации, т. е. смягчении произношения? Пустяки, не ломайте голову. Его отец Оттор, носитель истинной традиции, был предком англичан, будучи сам скандинавом. А первого человека в мифологии Толкина звали не Аск [Ask], как он именуется в “Прорицании вёльвы”, а Эйск [Æsc] – то же имя, но с английской палатализацией. Англичане получили историю правильную, кельты получили историю искажённую, а скандинавы – единственные, кому посчастливилось помнить её. Переведите с древнескандинавского или древнеисландского назад, на древнеанглийский, – ведь всё это, в конце концов, один и тот же язык – и всё будет ОК.

Манипуляцию, подобную этой, Толкин проделал не только в “Сильмариллионе”, но, в той или иной степени, и в более известных и популярных трудах, таких как “Хоббит” и “Властелин Колец”. В качестве наиболее бесспорного примера можно рассмотреть имена гномов в “Хоббите” – в порядке их появления на пороге жилища Бильбо Бэггинса: Двалин, Балин, Кили, Фили, Дори, Нори, Ори, Ойн, Глоин, Бифур, Бофур, Бомбур, Торин Оукеншилд сын Трайна сына Трора, потомок Дьюрина и родственник Дейна⁴⁶, всего восемнадцать имён, включая одно прозвище, а девятнадцатым, конечно, будет имя “Гэндальф”. И, разумеется, не может быть никаких сомнений по поводу того, откуда они явились. Явились они из раздела Dvergatal⁴⁷ “Прорицания вёльвы”, который я приведу в версии Снорри:

Нии, Ниди,	Нордри, Судри,
Аустри, Вестри,	Альгьов, Двалин,
Нар, Наин,	Нипинг, Даин,
Бивур, Бавур,	Бёмбур, Нори,
Ори, Онар,	Оин, Мьёдвитнир,
Виг и Гандальв,	Виндальв, Торин,
Фили, Кили,	Фундин, Вали,
Трор, Троин,	Текк, Лит, Вит ...
Хар, Хугстари,	Хледьольв, Глоин,
Дори, Ори,	Дув, Андвари ...
Альв, Инги,	Эйкинскьялди. ⁴⁸ [5]

Здесь представлены семнадцать из девятнадцати имён, а Дурин [Dúrin] упоминается всего несколькими строками выше как предок гномов, как он упомянут и у Толкина. Тем не менее, Толкин не просто скопировал “Перечень гномов” или воспользовался приведёнными в нём именами. Он, судя по всему, исследовал этот перечень, отказываясь воспринимать его, как поступает большинство учёных, в качестве бессмысленного или непостижимого ныне набора слов, а вместо этого задался целой вереницей вопросов по поводу приведённых там имён. Что, например, делает в этом списке “Гандальв” [“Gandálfr”], если вторая половина его имени – совершенно ясное *álfr*, “эльф”, т. е. существо, во всех традициях совершенно отличное от гнома? И как в этом перечне очутилось “Эйкинскьялди” [“Eikinskjaldi”], если, в отличие от других, оно выглядит, скорее, не именем, а прозвищем: “Oakenshield”⁴⁹? Разумеется, у Толкина это – именно прозвище, происхождение которого, в конечном счёте, приводится в Приложении А (III) к “Властелину Колец”. Что касается Gandálfr, или Gandalf, то этому слову Толкин, похоже, разрабатывает более сложное объяснение. В ранних черновиках “Хоббита” Gandalf был именем главного гнома, но вскоре Толкин отказался от этого: тот, кого называют *álfr*, не может быть гномом. Gand же должно означать “палка” или “посох”, а палка/посох или волшебная палочка – это то, что водится у волшебника; волшебника же могли называть *álfr* люди, для которых эльфы ассоциировались с волшебством. Таким образом, Gandalf это волшебник, но первое, что видит Бильбо, – “старика с посохом”. Имя вызвало к жизни посох, а посох породил волшебника. Иными словами, Толкин отнёсся к “Перечню гномов” всерьёз. Он допустил, что это было неким списком,

к которому прилагалось сказание – некая гномическая “Одиссея”, и что этот список подвергся искажениям, отчего прозвища перемешались с именами, а волшебника (или таинственное существо с посохом волшебника) занесли в список гномов ошибочно, но объяснимо, если он действительно водился с гномами.

При этом сюда никак не вписывается г-н Бэггинс или хоббиты как таковые, но хоббитами легко пренебречь. Однако существа, с которыми хоббит встречается по ходу дела, сплошь и рядом происходят из мира толкинского воображения, в котором скандинавские имена и скандинавские представления усвоены в качестве английских. К примеру, – мыслящие волки варги [Wargs], выглядящие помесью древнеанглийского *wealh* и древнеисландского *vargr*; или Бэрд [Bard] Лучник, сын Брэнда [Brand], который мог легко оказаться *Varðr*’ом, сыном *Brandr*’а; или человек-медведь Беорн [Beorn], сходный и с *Vöðvart* Bjarki из *Hrólfs saga Kraka*⁵⁰ и с

Беовульфом⁵¹ из английского эпоса, к тому же имя *Beorn* можно легко записать как *Björn*, как это и имеет место в исландском переводе “Хоббита”, т. е. в “Hobbitinn”; или, наконец, дракон Смог [Smaug]. Будь Смог драконом английским, его имя должно было бы происходить от глагола **sméogan* и выглядеть как **smeah*, а ещё в древнеанглийском есть отсылка к *smeogan wurme*, “ползающий червь”. Но на этот раз Толкин перевёл с древнеанглийского на древнеисландский глагол *smjúga*, прошедшее время от которого – *smaug*, “он ползал”. Таким образом, если Беорн – английский герой, а Голлум [Gollum] (или Смиагол [Sméagol], как звали его раньше) – английский злодей, то Смог, возможно, – скандинавский дракон, потому что враги его – скандинавские гномы. Но обитают они все в одном и том же мире. Для Толкина это был один и тот же мир: *Middan-geard*, *Míðgarðr*, Средиземье или Среднеземелье.

Но исландская литература – здесь я имею в виду именно исландскую, а не более нейтральную терминологическую скандинавскую, – обладала для Толкина ещё одним куда более существенным достоинством, заключающимся в том, что она обеспечила его моделью поведения, поведенческим паттерном. Гномы в “Хоббите” – существа вполне симпатичные, но никому не придёт в голову назвать их “милыми”. Они неприветливы, мстительны, скупы. Они верны своему слову, но лишь его букве, а не духу. Они преданы своим товарищам, да и английское “товарищ” [fellow] происходит от древнеисландского *félagi*⁵², но легко могут и решить, что вы – никакой не товарищ. Вспомним: когда гномы скрылись от гоблинов в Туманных Горах, потеряв по дороге Бильбо, и обсуждают, как им поступить дальше, один из них говорит: “Если для его поисков придётся вернуться в те мерзкие туннели, так я скажу: пропади он пропадом!”. Мстительные, скупые, занудные и склонные к буквализму, временами – верные, а иногда и нет, они – персонажи исландской саги, и по ходу развития повествования это становится всё более и более очевидным.

Я бы вообще предположил, что вся эта история подлинно обнажает контраст между двумя типами героического поведения: первого – свойственного древнеисландской саге и олицетворяемого гномами, Беорном и Смогом, и второго – современного самому Толкину, войнам двадцатого столетия, и воплощаемого здесь в образах Бильбо и, до некоторой степени, Бэрда. Контраст между ними порождает большинство забавных ситуаций повествования, но в конечном счёте, различаясь между собою точно так же как для филолога – современный английский и древнеисландский или современный английский язык и современный исландский, по сути своей они контрастируют лишь внешне. Вспомните, например, заключительные слова, обращённые гномом Балином к Бильбо, и ответ Бильбо (глава 18 “Хоббита”), которые я позволю себе привести на исландском:

“Vertu sæll og gæfan fylgi þér, hvert sem þú ferð,” stundi Balinn loksins upp. “Ef þú einhvern tímann gætir heimsótt okkur aftur þegar salir standa fagrir enn á ný í allri sinni dýrð, skyldum við halda veizlu sem tæki öllum fram.”

“Ef þið ættuð nokkurn tímann leið framhjá mínum húsum,” sagði Bilbó, “skuluð þið ekki hika við að berja að durum! Tetíminn er eins og venjulega klukkan fjögur, en auðvitað eruð þið velkomnir á hvaða tíma dags sem er.”⁵³ [6]

То, **как** они говорят, очень разнятся. Но то, **что** они говорят, – одно и то же.

*

Я хочу сказать, что отношение Толкина к древнеисландской литературе было филологическим именно

в том смысле, какой он придавал этому слову. Оно основывалось на предельно обострённом чувстве лингвистических взаимосвязей, первичную разработку которых надлежит поставить в заслугу Якобу Гримму. Эти взаимосвязи, эти нюансы сравнительной филологии, были для Толкина реальными и непосредственными. Это они побуждали его настаивать на произношении “Henjest” для Hengest. Это они вынудили его категорически утверждать, что множественным числом от “dwarf” [“гном”] было “dwarves”, а не “dwarfs”, – причём настаивал он на этом настолько упорно, что заставил печатников исправить в наборе “Хоббита” каждое такое слово (а там их – сотни) согласно тому, как было записано в его рукописи. Он филологически воспринимал каждую деталь повседневной жизни, включая современные фамилии, вроде Neave или Woodhouse, и современные географические названия, наподобие Hincksey – *Hengestes ieg* или Brill, как модели наименования хоббитской земли Bree [Бри].

Но для Толкина филология была не просто системой лингвистических взаимосвязей, она касалась и критики литературных трудов, которая, с его точки зрения, не могла и не должна была отделяться от языка, на котором эти труды написаны. Вот почему он категорически не любил литературных критиков: поскольку, рассуждая о литературе, они, как правило, игнорировали язык. Но ведь мысль и слово идут рука об руку. И существуют такие мысли, как отмечал в своих письмах Толкин, которые невозможно выразить современными словами без того, чтобы они не выглядели фальшивыми. Отвечая на обвинение в склонности к бессмысленной архаизации, он написал:

Но возьмём пример из главы, которую ты выделил среди прочих (и назвал кошмарной ... “Нет, Гандальф! – молвил король. – Ты сам не ведаешь, сколь ты искусен в целительстве. Не быть по сему. Я сам поскачу в битву и паду в первых рядах, коли суждено. Тем слаще буду я спать”.

Вот удачный пример – умеренная или разбавленная архаизация. Используя лишь те слова, что употребляются или известны в среде образованных людей и по сей день, королю на самом деле полагалось бы сказать: “Нет, ты сам не чуешь, сколь успел в целенье. Того не будет. Я сам поскачу в битву и паду...” – и т. д. Я отлично знаю, как выразился бы человек современный. “Ничего подобного, дорогой мой Г! Да вы сами не представляете, какой вы замечательный доктор. Нет-нет, исключено. Я отправлюсь на войну лично, даже если войду в число первых жертв”, – а потом что? Теоден, конечно же, подумает и, пожалуй, скажет вслух: “Тем слаще буду я спать”! Но люди, которые так мыслят, на современном языке просто не говорят. Можно написать “Тем спокойнее мне будет лежать в могиле” или “Я крепче усну в могиле, нежели спал бы, оставшись дома”, – если угодно. Но этот образ мыслей отдаёт фальшью, возникает разлад между словом и значением. Ибо король, который изъясняется современным стилем, в таких терминах просто не мыслит, и любая ссылка на мирный сон в могиле окажется в его устах нарочито архаичным оборотом речи (при любой формулировке), гораздо большей подделкой, нежели собственно “архаический” английский, которым я воспользовался. [7]

Иными словами, если вы намерены передать идеи древнего героического мира, вам необходимо найти такой способ их выражения, который окажется и достаточно современным, чтобы быть понятым, и достаточно старомодным, чтобы звучать правдиво. Я сказал бы, что это была важной задачей “Властелина колец”: в этой работе Толкин хотел отобразить героическую этику, принятую в дохристианском мире, которую сам он вывел из древнеанглийского эпоса и древнеисландских Эдды и саги. Но при этом он стремился выразить её современным языком, понятным современному читателю, и не входя в противоречие с христианством.

Позволю себе для начала рассмотреть меньшую из проблем лингвистических взаимосвязей во “Властелине колец”. Как мы знаем теперь, Толкин испытывал серьёзные трудности, связанные с началом работы над сказанием. По моему мнению, ему не удавалось их преодолеть вплоть до 9 февраля 1942 года, когда он решил для себя проблему сочетания языков. Обратим внимание на гномов с их древнеисландскими именами. Совершенно очевидно, что у гномов не могло быть древнеисландских имён, поскольку жили они невероятно давно, намного раньше, чем возник древнеисландский язык. Потому имена, которые Толкин дал им в произведении, написанном на современном английском, необходимы были просто для того, чтобы показать, что гномы, для удобства, говорили на языке, который так же соотносился с языком хоббитов, как древнеисландский – с современным английским, или современный исландский – с современным английским, как это и происходило в действительности. Но если всё обстояло именно так, то в Средиземье вполне реально было представить такое место, где люди всё ещё говорили на древнеанглийском, или даже на готском –

такое место, где поэма “Беовульф” была все ещё живой. И как только Толкин принял такое решение – в чём мы можем убедиться на стр. 424 “Измены Айзенгарда” – он смог сразу и без особых затруднений вообразить общество Всадников Рохана или Риддермарка, противопоставить им постимперское общество Гондора и позволить сказанию развиваться, вдруг, в направлении совершенно новом и неожиданном для самого автора. Установленные лингвистические взаимосвязи освободили воображение Толкина, сделав, заодно, книгу в три раза объёмистее, чем предполагалось вначале. Так обстоит дело с первой частью толкинской филологии.

Для исследования второй её части необходимо восстановить в памяти факты биографии Толкина. Рождённый в 1892-м и будучи с 12 лет сиротой, в 1915 году он окончил Оксфордский университет, и сразу же, подобно большинству своих знакомых, вступил в армию. Участвовал в качестве офицера-пехотинца в сражении у реки Соммы, в котором погибли два его самых близких друга. Сражение у Соммы стало для британцев синонимом краха и тщетности. Но я не думаю, что именно так воспринимал его и Толкин. С одной стороны, 13-й батальон ланкаширских стрелков, в котором состоял Толкин, был одним из самых доблестных, отмеченным (по моим сведениям) лично фельдмаршалом Хэйгом за успешное наступление в более поздних эпизодах сражения у Соммы. [8] С другой стороны, Толкину был известен важный факт, о котором сейчас забывают, состоявший в том, что и это сражение и война были выиграны, невзирая на реальную возможность поражения. Однако к тому времени, когда Толкин стал профессором Оксфордского университета, что произошло в 1925 году, общественное мнение радикально изменилось. Наступили годы господства модернизма: Т. С. Элиот и “Бесплодная земля”⁵⁴, Ивлин Во⁵⁵ и его сатирические романы, Э. М. Форстер⁵⁶, Вирджиния Вулф⁵⁷ и Bloomsbury Group⁵⁸. Объединяющими их факторами были разочарование и ирония, в особенности – в отношении всего, хоть сколь-нибудь связанного с воинской доблестью. Герои были не в моде. Соответственно, эпопею или сагу в современном на тот момент мире было невозможно воспринимать серьёзно.

Или, по меньшей мере, – в современном на тот момент мире литературном. Поскольку в мире реальном воинская доблесть, оказалось, была жизненно необходима как никогда ранее. Союз Оксфордского университета [Oxford Union, основанный в 1911 г.], в 1936 году выступил, как помнится, в поддержку движения “Наша семья ни при каких обстоятельствах не будет сражаться за короля и отечество”. Но оказалось всё наоборот. В 1939 году, когда правительство Великобритании обратилось к добровольцам с призывом принять участие в войне с нацистами, в первый же день на пункты сбора прибыли 250 000 человек и миллион – в течение первой недели. На фронт отправился даже Ивлин Во, приняв участие в сражении за остров Крит. Именно тогда Толкин и начал писать свой героический дохристианский роман: возрождение древних литературных образцов, которым это обернулось, оказалось вновь жизненно необходимым.

Укажу на один фактор, объединяющий “Властелина колец” с мифами древних скандинавов и их героической литературой. Это – глубокая печаль, почти лишённая надежды. Сказание повествует не о поиске, связанном с обретением чего-то, а о своего рода анти-поиске, завершающемся отбрасыванием искомого. Цена такого отбрасывания – угасание, вымирание. Исчезнут эльфы. То же ожидает и энтов, и хоббитов. Фродо, главный герой, будет “глубоко ранен”. В конце повествования он отправляется далеко за море, но лишь для того, чтобы умереть. Преобладающее слово на последней странице сказания – “серый”, так что все остальные черты реальности оказываются невыразимо размытыми на “длинной серой дороге” к “серому заливу”, “серому морю”, за “серой пеленой дождя” у Серых Гаваней. Что-то ушло из мира, и уже не вернётся. Именно так обычно всё и происходит. А ещё раньше в этом же сказании полуэльф Элронд, окинув взглядом свою жизнь, произносит: “Я видел много поражений и множество бесплодных побед”. Галадриэль говорит о себе: “На протяжении многих веков мы боролись, терпя поражение за поражением”. И хотя во “Властелине колец” присутствует победа, совершенно очевидно, что победа эта локальна, временна и достигнута дорогой ценой. У персонажей есть лишь неясная размытая идея – некое смутное, скажем так, представление (но ведь и литературный клуб, куда входил Толкин, назывался “Инклинги”⁵⁹) – о возможности окончательной победы над злом. И происходит так потому, что они – дохристиане.

Таким образом Толкин возрождает персонажей, присущих исландским сагам, действующие лица которых – дохристиане. Но дохристиане они – эти мужчины и женщины, вроде Няль⁶⁰, Вига-Глум⁶¹, или Гудрун⁶² – лишь потому, что не знают ничего иного. Не христиане, но и не вполне язычники, они готовы принять более глубокую надежду, если кто-то предложит им её. Такие люди, как верил Толкин, стоят до последнего благодаря “концепции отваги”, подразумевающей, что держаться надлежит, даже если знаешь, что всегда сражался, “терпя поражение за поражением” без малейшей надежды на успех. Гэндальф, по сути, неоднократно делает заявления в духе “концепции отваги”. Он не рассчитывает победить, он знает, что

даже для Фродо есть риск превратиться в привидение. "Тем не менее, – произнёс он, внезапно вставая и выпячивая подбородок, причём борода его стала прямой и жёсткой, как колючая проволока – мы не должны утрачивать отвагу".

Таким же, по Толкину, было настроение и у многих его соотечественников в 1940-х. Христианство уже не было, как раньше, верой, распространённой повсеместно. Зло казалось неодолимым, становясь всё могущественнее с каждым поражением сил добра. Возникло сильное желание уступить, вступив в соглашение и тем или иным образом – в сотрудничество с Сауоном или Саруманом, как это несколько раз предлагается во "Властелине колец". Но поступить так было нельзя. Следовало учиться воевать, не рассчитывая на победу и без веры в Бога. Продолжать сражаться, если необходимо, даже терпя поражение за поражением. И если дух безбожного викинга оказался способен тогда

возродиться, как это произошло в идеологии нацистского язычества и поклонения Одину, то мог быть возрождён и дух добродетельного язычника: иным аспектом традиции тех же героических преданий – людьми, подобными Нялю или Гуннару⁶³, мудрыми, отважными, исполняющими лучшее из того, что возможно в тяжёлых обстоятельствах, – воинами, терпящими в итоге поражение, но не позволяющими никакому поражению сломить их дух.

И я верю, что Толкин стал необычайно популярен именно благодаря этому. Я склонен полагать именно так. Стандартное обвинение, предъявляемое Толкину моими коллегами критиками, состоит в том, что труд его, якобы, является "эскапистским". Полагаю, дело обстоит с точностью до наоборот. Подобно "1984" Оруэлла, или "Повелителю мух" Голдинга, или "Герпле" Лакснесса, фантастические или посвящённые древности труды Толкина лицом к лицу противостоят главным проблемам двадцатого столетия, среди которых война, отчаяние, горечь неудач, разочарование. Кроме того, в этих сказаниях предлагаются ответы, выглядящие более чем старомодными, но вновь оказывающиеся живыми и действенными. Это серьёзные ответы на серьёзные вопросы, которые, по моему мнению, как раз и игнорируются эскапистами. Но своим обаянием труды Толкина во многом обязаны также и присутствующему в них смещению серьёзного и развлекательного, как и предельному смещению стилей, которое первоначально мир усваивал на примерах исландской литературы. При этом, видимо, правильное всего было бы сказать, что подлинным героем трудов Толкина является Средиземье как таковое. В нём он воссоздал собственную версию утраченного мира английской дохристианской мифологии; но сделать это он смог, лишь исходя из куда более величественного и, к счастью, сохранившегося мира исландской традиции.

Сент-Луисский университет,
Том Шиппи

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] *The Letters of J. R. R. Tolkien*, ed. Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien (London: George Allen & Unwin, 1981), 180 (14th January 1956).

[2] *Letters*, 131, late 1951.

[3] Tolkien, *The Book of Lost Tales Part 2*, ed. Christopher Tolkien (London: Allen & Unwin, 1984), 290.

[4] Tolkien, *The Monsters and the Critics and other essays*, ed. Christopher Tolkien (London: HarperCollins, 1987), 25-6.

[5] *Edda*, ed. Árni Björnsson (Reykjavik: Íðunn, 1975), 29-30.

[6] Исландский перевод – Þorsteinn Thorarensen, *Hobbitin* (Reykjavik: Fjölvaútgáfan, 2001).

[7] *Letters* 171, September 1955.

[8] Подтверждением этого может стать публикация глубокого исследования Джона Гарта "Толкин и Первая Мировая Война" [John Garth *Tolkien and the Great War*], готовящаяся в издательстве HarperCollins.

О ТОМЕ ШИППИ

(C) Catherine Shippey

Том Шиппи (Tom Shippey или Thomas A. Shippey), р. 1943, пишущий также под псевдонимом Джон Холм (John Holm). Профессор, специалист по древнеанглийскому языку и литературе. Преподавал сначала в Лидсе, а потом в Оксфорде на тех же кафедрах, где и Толкин, будучи, фактически, его другом и преемником.

Автор фундаментальной (более 800 стр.) и очень живо написанной монографии “Дорога в Средиземье: Путеводитель по миру Толкина” (“The Road to Middle-Earth”, 1982; награждена “Mythopoeic Scholarship Award (Inklings Studies)” – 1984”; издана в 2003-м и в переводе на русский Санкт-Петербургским изд-вом “Лимбус Пресс”).

Кроме этого исследования, Томас Шиппи является автором книг “Fictional Space Essays on Contemporary” (1991), “Studies in Medievalism XI: Appropriating the Middle Ages: Scholarship, Politics, Fraud”, “Studies in Medievalism XII: Film & Fiction: Reviewing the Middle Ages, Vol. 12”, “Oxford Book of Science Fiction Stories” (1992; номинировалась на “Locus – 1993”), “Oxford Book of Fantasy Stories” (1994; номинировалась на “Locus – 1995”), “Beowulf: Critical Heritage”, а также “J. R. R. Tolkien: Author of the Century” (2000; награждена “World Fantasy Award – 2001” и Mythopoeic Scholarship Award (Inklings Studies) – 2001”; номинировалась на “Locus – 2001” и “Hugo – 2002”).

*Оригинал статьи находится по адресу:
<http://www.nordals.hi.is/shippey.html>*

Искренняя признательность:

— **Наташе Терновской,**

оказывавшей любезную помощь консультациями в процессе перевода этой статьи,
а также

— **Maclor D. Las,**

добровольно и бескорыстно выполнившего изрядную работу по сверке/редактуры/корректуре перевода,
и

— **Наталье Семёновой**

за внесённые дополнительные уточнения.

© Перевод

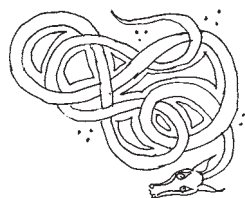
Ю. Канчуков, 2005

Впервые настоящий перевод опубликован на сайте Dragon’s Nest
<http://dragons-nest.ru>

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ В ЗАЩИТУ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА

Заметки на полях статьи Т. Шиппи “Толкин и Исландия: Филология зависти”

Так уж получилось, что именно по моей инициативе впервые появился в сети представленный выше перевод давней статьи Т. Shippey *TOLKIEN AND ICELAND: THE PHILOLOGY OF ENVY*. И вот, когда прошло некоторое время, позволившее чуть отойти и от увлекательного перевода и от достаточно обстоятельной правки/редактуры, выполненной по инициативе и при самом непосредственном участии Мазлора Д. Ласа, появились мысли, связанные с некоторыми интонационными и этическими аспектами этой очень ёмкой, информативной и, безусловно, талантливой статьи.

Статья эта, отдадим ещё раз должное её автору, написана просто прекрасно – как по форме, так и по очень непростому (от авторской интонации и вплоть до уровня вопросов/тем, в ней поднимаемых) содержанию. К этому нужно добавить и безусловное умение автора заинтриговать читателя-нефилолога, начиная с неприкрыто провокативного заглавия и далее по тексту.

С вынесенного в заголовок статьи Шиппи “как-бы-вовсе-и-не-обвинения” и начнём.

О ЗАВИСТИ

Чтоб не путаться в понятиях – определение зависти по В. И. Далю (уж не затрагивая современных, куда более “осудительных” толкований этого слова):

ЗАВИСТЬ ж. свойство того, кто завидует; досада по чужом добре или благе; завидки; нежеланье добра другому, а одному лишь себе.

Теперь задайтесь вопросом: о какой именно **форме** зависти можно вести речь по отношению к Толкину, его творчеству или его научной работе?

Напомню цитаты из писем и рукописей Толкина – т. е. факты, на основе которых Том Шиппи выстраивает в своей статье даже как бы и не обвинение, а просто констатацию очевидного факта: зависть – в качестве основы творчества Толкина.

...некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд – от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки [...], цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии;

...Меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у неё нет собственных преданий (связанных с её языком и почвой), во всяком случае того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель... Разумеется, был и есть обширный артуровский мир, но при всей его величественности он не вполне прижился, ассоциируется с почвой Британии, но не Англии; [также] артуриана не только связана с

христианством, но и явным образом его в себе содержит. В силу причин, в которые я вдаваться не буду, это мне кажется пагубным;

Обратим внимание: здесь нет ни слова хотя бы о досаде по поводу наличия у **иного** народа мифов, преданий, сказаний... Речь — лишь о скорби/горечи в связи с утратой древних (по сути — языческих) корней **своим** народом.

Таким образом, именно ... у англов [т. е. англичан] сохранились правдивые предания о фэери, о которых *Iras* и *Wealas* [*ирас* и *веалас*: древнеангл. “ирландцы” и “валлийцы”] рассказывают небылицы.

Ничего не говоря по поводу **хотя бы признаков** зависти в двух первых фрагментах, по поводу последней цитаты из раннего толкинского черновика Шиппи заявляет уже вовсе просто и однозначно: “[Здесь] элемент ревности или зависти присутствует...”.

“Присутствует” — и дело с концом.

Теперь сравним эту (несколько сокращенную у Шиппи) цитату с полным её текстом, выделив “жирным” шрифтом опущенный в статье фрагмент:

Таким образом, **именно благодаря Эриолу и его сыновьям** у англов [т. е. англичан] сохранились правдивые предания о фэери, о которых *Iras* и *Wealas* [*ирас* и *веалас*: древнеангл. “ирландцы” и “валлийцы”] рассказывают небылицы.

И теперь становится очевидным, что в этом периоде речь идёт о выстраивании Толкином модели линии передачи мифологической традиции, на основе каковой [модели] в дальнейшем можно будет творчески создавать **современную** (в силу прискорбного отсутствия **древней**) версию некой мифологии.

Кроме этого, заметим ещё одно, неочевидное: слова, процитированные выше, взяты из ранних черновикув “Сильмариллиона”, т. е. — из текста **художественного**, а не из научной статьи.

Так в связи с чем здесь можно так убеждённо говорить о некой зависти Толкина, беспеллационно вынесенной автором статьи прямо в заглавие статьи?

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Если просмотреть текст статьи Шиппи по слову **nationalist**, использованному там в связи с Толкином, получится следующая подборка (параллельно даю дословный перевод цитат, звучащих в литературном переводе несколько иначе):

He abandoned the attempt to dedicate these works “to England, to my country”, but it is very likely that a major initial motive for him was both nationalist and mythological...

Он оставил своё стремление посвятить эти работы “Англии, моей стране”, но очень похоже на то, что основным побудительным мотивом [их создания] для него был мотив и националистический и мифологический.

Tolkien was never a British or Celtic nationalist, he was an English nationalist...

Толкин никогда не был британским или кельтским националистом, он был английским националистом...

(В своём литературном переводе, представленном ранее, я постарался, насколько мог, смягчить этот ещё один явно обвинительный момент, присутствующий так же, как и связанное

с завистью, лишь в самом начале этой статьи Шиппи, однако подразумеваемый и далее, потому убрать его вовсе было бы некорректно по отношению к авторскому тексту в целом.)

Очередной вопрос: почему вместо явно обвинительного и, как ни крути, негативно окрашенного слова **nationalist** Шиппи не воспользовался куда более нейтральным, более корректным и намного более точным интонационно словом **patriot**, т. е. “патриот”? Ведь нигде у Толкина не идёт речь именно о **националистических**, т. е., опять же, **завистнических** мотивах по отношению к другим нациям/народам...

ОБ “УЛОВКЕ ЛИДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА”

Здесь разговор ещё более интересный. Казалось бы – ничего особенного: один, ныне здравствующий, профессор (Шиппи) иронизирует по поводу неких **манипулятивных** приёмов, некогда использованных другим, давно уже покойным, профессором (Толкином) для... Для **чего** использованных?

Зачем, если всё же отстраниться от лукавых обвинений, предъявленных Профессору в первой половине статьи Шиппи, понадобились Толкину эти безусловно **манипулятивные** (по Шиппи) **evasions** / “уловки”, обозначенные здесь как одна, но – изрядная?

Вот мой вариант ответа: Толкин не намеревался никого обвести вокруг пальца или, тем паче, ввести в заблуждение научный мир. Он совершенно чётко понимал, что творит новую мифологию (как оказалось впоследствии – не только и не столько английскую), для создания которой ему понадобилось ввести определённые “правила игры”, в том числе – принять определённые филологические допущения, вовсе не претендующие на истину в последней инстанции в свете научного знания. Для этой цели он не только воспользовался многим из того, что было ему известно по мифам, преданиям, сказаниям так или иначе близких к англам народов, выбрав из них то, что показалось ему более пригодным для поставленной цели, но и дополнил или трансформировал/преобразил известное до него сообразно выработанным им требованиям “игры”.

Можно ли его за это осуждать, как это делает Шиппи, заявляя между прочим:

However, perhaps the most revealing⁶⁴ aspect of Tolkien's early mythology is his attempt to explain how it came to him. As a philologist, it was never enough for him to have a story: he also had to have a chain of transmission...

Однако, возможно, **наиболее разоблачительным** аспектом ранней мифологии Толкина является его попытка объяснить, как он обрёл её. Как филолога его никогда не удовлетворяла простое обладание сказанием: кроме собственно текста ему было необходимо ещё и выяснить линию его передачи...

Да, Толкин оказался не просто учёным-исследователем, филологом, мифологом и т. д., но куда в большей степени – художником, творцом.

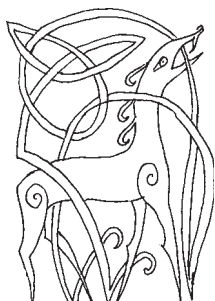
Так чего тут разоблачать, и о каких уловках можно говорить?

Более того, как следует из этой же статьи Шиппи (из самого её финала), Толкин искал выход из нравственного и духовного тупика, в котором оказался не только он один, но едва ли не всё его поколение. И он нашёл этот выход, что с удовлетворением и едва ли не с гордостью констатирует в итоге автор статьи о “Филологии зависти”.

Заодно: насколько исключительно **филологическим** является обширное творческое наследие Дж. Р. Р. Толкина, чтоб судить его лишь с точки зрения филологии того или иного рода?

*

Вот и думаю себе, перечитав ещё раз всё написанное выше: взбреди мне в голову назвать эти записки, по аналогии с анализируемой в них статьёй, к примеру, “Шиппи и Толкин: Филология...” – каким в этом заглавии должно быть акцентное последнее слово?

© Ю. Канчуков, 2005

Впервые опубликовано на сайте Dragon's Nest

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

¹ *Hringadróttins saga* (исл.) – исландский эквивалент названия *The Lord of the Rings* (“Властелин Колец”).

² Переводы фрагментов из писем Толкина цитируются по изданию: *Письма Дж. Р. Р. Толкина* / Под ред. Х. Карпентера при участии Кристофера Толкина; пер. С. Лихачёвой; под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2004.

³ *Николай Фредерик Северин Грюндтвиг* (Nicolai Frederik Severin Grundtvig) (1783–1872), датский епископ, поэт, историк и просветитель, мечтавший, кроме прочего, о создании “мифологии для Дании”.

⁴ *Jón Árnason* (1819–1888) – всемирно известный собиратель исландского фольклора: легенд и сказок.

⁵ *Haus- und Kindermärchen* (нем.) – бытовые и детские сказки.

⁶ *Irische Elfenmärchen* (нем.) – ирландские волшебные сказки.

⁷ *Фэери* или *волшебный народ* – англ. *fairies*.

⁸ Перевод этого фрагмента из черновиков Толкина цитируется по изданию: Дж. Р. Р. Толкин. *История Средиземья*. Том II. Книга утраченных сказаний, Часть II / Под ред. К. Р. Толкина. Перевод – неформальное творческое объединение ТТТ (TolkienTextsTranslation), под общей редакцией С. Таскаевой. – М.: ТТТ, 2002.

⁹ *Wawn, Andrew* – профессор, преподаватель курса англо-исландской истории в Лидском университете (Соединённое Королевство), автор упомянутой здесь книги *The Vikings and the Victorians. Inventing the Old North in 19th Century, Britain* (2000).

¹⁰ *Worm, Ole* или *Wormius, Olaus* (1588–1654), датский врач и собиратель/исследователь древностей, получивший известность благодаря своим исследованиям рун и рунических текстов, включая упомянутую здесь книгу *Runir, seu Danica Literatura Antiquissima vulgo Gothica dicta hic reddita opera* (1636).

¹¹ *Magnús Ólafsson of Laufás* – в XVII в. один из переводчиков исландских саг на латынь.

¹² *Codex Regius* или “Королевский кодекс” – пергаментный список, получивший название “Поэтическая [или Старшая] Эдда”, ныне предположительно датируемый второй половиной XIII в.

¹³ “Датские древности о причинах презренной смерти, дошедшие до нас в трёх книгах, собранные по старым сводам и памятникам, до сих пор ещё не изданные”.

¹⁴ “Памятники мифологии и поэзии кельтов и, в частности, древних скандинавов”.

¹⁵ *Thomas Percy's translation of Mallet as Northern Antiquities* (1770).

¹⁶ *Thomas Percy “Five Pieces of Runic Poetry, translated from the Islandic Language”* (1763).

¹⁷ *Krákumál* – “Кракумал” или “Речи Краки”, повествующие о смерти конунга Рагнара Лодброка, жившего задолго до 1000 г., которым ориентировочно датируется время создания этой песни.

¹⁸ *Fornaldarsögur* (исл.) – “Саги о древних временах”.

¹⁹ *Brymskvida* – или “Песнь о Трюме”: одна из песен “Старшей Эдды”. Великан Трюм – один из знатнейших и богатейших князей Йотунхейма. Речь идёт об эпизоде, когда Тор для того, чтобы вернуть молот, коварно похищенный у него, спящего, Трюмом, переодевается в одеяния Фрейи и является в таком виде к этому моменту, поставившему условием возврата молота женитьбу на Фрейе.

²⁰ Отчего столь ужасны глаза дивной Фрейи?

Пламя, превиделось мне, пылает в её очах!

²¹ Не было сна у Фрейи долгих восемь ночей

Оттого так пылают глаза её негаснувшей страстью по Йотунхейму.

²² *hlæjandi skal ek deyja* (исл.) – “смеющимся умру”.

²³ *ormgarðr* (исл.) – “змеиный ров”.

²⁴ *gnyðja* (исл.) – “ворчать, хрюкать”.

²⁵ *Ívarr hinn beinlausi* – Ивар Бескостный, один из героев “Пряди о сыновьях Рагнара”. “Поросята” Ивар Бескостный и Сигурд Змей в Глазу (см. след. прим.) – сыновья “борова” Рагнара.

²⁶ *Sigurðr orm í auga* – Сигурд Змей в Глазу, о котором в упомянутой чуть выше “Пряди” сказано: “У Сигурда было бельмо на глазу, и казалось, что змей смотрит из его зрачка, и поэтому его называли Сигурд Змей в Глазу”.

²⁷ *Völuspá* или “Прорицание вёльвы” – наиболее известная из песен “Старшей Эдды”, излагающая предсказания, сделанные по просьбе Одина пророчицей-вёльвой о начале и конце всех вещей и судьбах богов.

²⁸ *Sólarljóð* или “Песнь о солнце” – ещё одна песнь из “Старшей Эдды”.

²⁹ *en passant* (франц.) – “между прочим”.

³⁰ *Битва при Стикластадире* [Stiklastaðir], состоявшаяся в 1030 г., – место последнего сражения и гибели Олава Харальдссона Тёмного (или Святого), ранее завершившего крещение Норвегии, начатое его родственником Олавом Триггвасоном. Жёстким подавлением сопротивления со стороны местных вождей Олав Святой заслужил ненависть тогдашнего населения Норвегии и был фактически изгнан. Проведя некоторое время в Новгороде во владениях Ярослава Мудрого, он со своей дружиной вновь возвратился на родину, где и погиб в сражении при Стикластадире.

³¹ *Gerpla* (или “[Песнь] о героях”, 1952) – антивоенный роман исландского писателя Халльдоура Кильяна Лакнесса (р. 1902; лауреат Нобелевской премии по литературе за 1955 г.). Основой для “Герплы” послужили “Сага о названных братьях” и “Сага о святом Олаве”.

³² *göðlauss* (исл.) – “безбожный”.

³³ *Götterdämmerung* (нем.) – “сумерки (или гибель) богов”, описанию чего и посвящена песнь “Предсказание вёльвы”.

³⁴ В оригинале здесь сказано *heathen*, что кроме обычного “язычник, варвар, дикарь”, может иметь и библейское значение “нееврей”.

³⁵ *Mythopoeia* (от греч.) – “Творение мифов”.

³⁶ *Sigurðarkviða hin nýja* (исл.) – “Новая песнь о Сигурде”.

³⁷ *Guðrúnarkviða hin nýja* (исл.) – “Новая песнь о Гудрун”.

³⁸ *Grimur Jónsson Thorkelín* – первый (1815 г.) издатель “Беовульфа”.

³⁹ *Plattdeutsch* (нем.) – нижненемецкое наречие.

⁴⁰ *Gísli Brynjólfsson* (1827–1888) – исландский историк и филолог.

⁴¹ *George Stephens* (1813–1895) – выдающийся датский рунолог и переводчик-исследователь саг; в 1855–1893 гг. профессор Копенгагенского университета.

⁴² *Er Engelsk en tysk sprog?* (исл.) – “Является ли английский язык диалектом немецкого?”

⁴³ *Æsir* (исл.) или асы – боги.

⁴⁴ См. *Terry Gunnell* “Tivar in a timeless land: Tolkien’s elves”.

⁴⁵ *Юмы* – одно из древнегерманских племён.

⁴⁶ *Dwalin, Balin, Kili, Fili, Dori, Nori, Ori, Oin, Gloin, Bifur, Bofur, Bombur, Thorin Oakenshield son of Thrain son of Thor, descendant of Durin and relative of Dain.*

⁴⁷ *Dvergatal* (исл.) – “Перечень гномов”.

⁴⁸ Nýi, Niði, Norðri, Suðri,
Austri, Vestri, Alþjófr, Dvalinn,
Nár, Náinn, Nípingr, Dáinn,
Bífur, Báfur, Bömbur, Nóri,
Órinn, Ónarr, Óinn, Miððvitnir,
Vigr og Gandálfr, Vindálfr, Þorinn,
Fili, Kili, Fundinn, Váli,
Þrór, Þróinn, Pettr, Littr, Vitr ...
Hár, Hugstari, Hléþjófr, Glóinn,
Dóri, Óri, Dufur, Andvari ...
Álfr, Ingi, Eikinskjalði.

⁴⁹ *Oakenshield* (англ.) – “дубовый щит”.

⁵⁰ *Hrólfs saga Kraka* (исл.) – “Сага о Хрольве Жердинке”.

⁵¹ *Beowulf* (исл.) – “пчелиный волк”, т. е. “медведь”, а если вспомнить, что в одноимённом эпосе это слово служит именем рыцаря...

⁵² *félagi* (исл.) – “товарищ, соратник”.

⁵³ “– До свидания, и удачи тебе, куда бы ты ни шёл, – произнёс наконец Балин. – Если вздумаешь навестить нас вновь, когда наши залы станут вновь прекрасными, пир будет поистине великолепен!”

– Если вы когда-нибудь будете проходить мимо моего дома, – сказал Бильбо, – стучитесь, не задумываясь! Чай – в четыре, но любой из вас будет принят в любое время.”

⁵⁴ *Томас Стернс Элиот* (Т. S. Eliot; 1888–1965) – англо-американский поэт-модернист, с 1917-го – в Великобритании. “Бесплодная земля” (*The Waste Land*) – одна из наиболее известных его поэм.

⁵⁵ *Ивлин Во* (Evelyn Waugh; 1903–1966) – английский прозаик.

⁵⁶ *Эдуард Морган Форстер* (E. M. Forster; 1879–1970) – английский прозаик, литературный критик, киносценарист.

⁵⁷ *Вирджиния Вулф* (Virginia Woolf; 1882–1941) – английская писательница и литературный критик.

⁵⁸ *Bloomsbury Group* – с начала XX века и до Второй мировой войны неформальное объединение интеллектуалов, обитавших в лондонском центральном районе Блумсбери. В группу входили Э. М. Форстер [E. M. Forster], Вирджиния Вулф [Virginia Woolf], Л. Стрейчи [Lytton Strachey], философ-математик Б. Рассел [Bertrand Russell], экономист Дж. М. Кейнс [J. M. Keynes].

⁵⁹ *Inklings* – от англ. *inkling* = “осторожный намёк, отдалённое представление, слабое подозрение”. Клуб, организованный в 1931 году студентом одного из оксфордских колледжей Тэнджи Лином. Из известных литераторов в этот клуб входили Дж. Р. Р. Толкин и Клайв Льюис.

⁶⁰ *Njáll* – герой исландской *Njálls-saga*, т. е. “Саги о Ньяле”.

⁶¹ *Víga-Glúmr* – герой исландской *Víga-Glúms saga*, т. е. “Саги о Глуме Убийце”.

⁶² *Gudrun* – героиня “Старшей Эдды”.

⁶³ *Gunnar* – брат Гудрун (см. предыдущее примечание).

⁶⁴ Здесь и далее “жирным” выделено – мною. Ю.К.

